

Играли «Ревизора»
Комедия

Действие происходит перед началом, во время постановки гоголевского "Ревизора" и после неё в уездном городке Староводске в конце февраля 1855 года.

Действующие лица

Иван Семенович Ф и о л е т о в , антрепренёр, трагик и благородный отец бродячей труппы, лет 50-ти, играет *Городничего*.

Светлана Марковна Р о с а л ь с к а я , гражданская жена Фиолетова, бывшая трагическая актриса, лет 45-ти, играет *Анну Андреевну*.

Изольда Аркадьевна Р а с с в е т о в а , сноха Росальской, инженеру, 18-ти лет, играет *Марью Антоновну*.

Алексей Никитич Р а с с в е т о в , сын Росальской, муж Изольды, герой-любовник, лет 20-ти, играет *Хлестакова*.

Пров Петрович П у с т ы ш к и н , комик труппы, лет 50-ти, играет *Землянику, попечителя богоугодных заведений, а также Слесаршу*.

Владимир Ксавериевич М и р с к и й , ссыльный придворный, городской помещик, 40-ка лет, играет *Осипа*, слугу Хлестакова.

Максим Максимович Ч е р е в а т е н к о , владелец кирпичного завода, лет 30-ти, играет *Хлопова, смотрителя училищ*.

Петр Федорович Г л а з о в , подпоручик в отставке, основатель Староводской бесплатной городской библиотеки, лет 35-ти, играет *судью Тяпкина-Ляпкина*.

Николай Николаевич Меньшов, уездный П о ч т м е й с т е р , в форменном мундире и с сумкой, лет 30-ти, играет *Почтмейстера*.

Адриан Иванович Кочин, уездный Л е к а р ь , лет 35-ти, играет *Добчинского*.

К а к и й К а к о е в и ч , приживал Мирского, городской вестовщик, лет 55-ти, играет *Бобчинского*.

С и о н с к и й , школьный учитель из семинаристов, лет 25-ти, играет *квартильного Держиморду*.

К а т и ш ь , она же Екатерина Макаровна Хоменкова, вдова откупщика, лет 35-ти, играет *Жену унтер-офицера*.

С т е п к а , лакей Мирского, лет 30-ти, в парике цвета соломы играет *Мишку*, слугу городничего, а в рыжем парике – *Трактирного слугу*.

М а т ю ш к а , суфлер из отставных актеров, лет 60-ти. В европейской обтрепанной, с чужого плеча одежде.

Р а б о ч и й с ц е н ы , в мещанском платье, неопределенного возраста.

Созонт Ираклиевич Федоров-2, староводский Г о р о д н и ч и й , лет 60-ти. Загримирован и одет точно так же, как Фиолетов.

Жандармский офицер из Харьковского управления Третьей его величества канцелярии, в просторечии "Г о л у б о й ", лет 30-ти, в длинной голубой шинели.

Ж а н д а р м . В форме.

"Р е в и з о р ", первое издание комедии Н. В. Гоголя (СПб., 1836), тоненькая книжка в картонном переплете в цветочках с черными уголками, снабженная кожаной закладкой.

На протяжении всей пьесы сцена представляет собою закулисное пространство провинциального театра, показываемое как бы с изнанки. При этом главный занавес реального театра соответствует воображаемому заднику представляемого, а занавес последнего – заднику реального. Представляемый в спектакле театр ветх и запущен, с поломанными машинами для летания и спуска в люк, кулисы и декорации кривы, занавес поеден молью, кое-где заплата. С софита посередине свисает паутина, слева малый колокол и несколько веревок, у одной из них конец разломачен. Справа часть сцены отделена перпендикулярной относительно занавеса стеной с дверью, это гримуборная на два места. За нею дальше уже не видная костюмерная. На авансцене стоят пять разномастных стульев, роскошное мягкое кресло в стиле ампир или рококо и три табурета.

Действие первое

Актеры труппы Ф и о л е т о в а и любители, в гриме персонажей «Ревизора», актеры своим кружком, любители тоже особой группой, густо столпились на сцене слева. М и р - с к и й , элегантно одетый по моде середины XIX века, сидит, развалившись, в кресле в центре сцены. Ф и о л е т о в , в костюме и гриме *Городничего*, с книгой в руке (страница заложена пальцем) прохаживается между креслом М и р с к о г о и толпой участников спектакля. В гримуборной накладывают на лица последние штрихи, шушукаясь, Р о - с а л ь с к а я и Р а с с в е т о в а , после первых реплик задерживают занавеску.

Ф и о л е т о в (*напыщенно*). Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор. (*Обычным своим голосом*). Первая фраза... Она, юноша, определяет успех всего спектакля... Кто мне это говорил – Мочалов или Сосницкий? (*В иной тональности*). Я пригласил вас, господа, с тем...

М и р с к и й . К лешему вашу первую фразу, к лешему и успех ваш! Доложите лучше, Иван Семенович, как у нас дела с публикой?

Ф и о л е т о в (*оставаясь в образе, марширует через сцену, топая ботфортами, и становится навтыяжку перед М и р с к и м*). Так что двойственны, ваше сиятельство.

М и р с к и й (*скучно*). Почтеннейший Иван Семенович! Я, как всем известно, убежденный либерал и даже, страшно вымолвить, демократ, и мне неприятно такое от вас подобоострастие. Мне титул "сиятельство" не присвоен, потому что я незаконный сын своего беспутного отца, князя Любомирского, и по именному указу сохранил только огрызок родовой фамилии – Мирский. Как либерал и прогрессист, я не стыжусь своего происхождения, однако какого лешего мне о нем постоянно напоминать? (*Пауза*). И совершенно напрасно вы принимаете меня за миллионщика, Иван Семенович! Я городской помещик вроде вашего Бобчинского. У меня всего имущества, что чахлый лес и худые земли с полусотней нищих крестьян на них, да поместье в Староводске с парком. А родовое имение покойный мой дядя проиграл в карты, всю нашу Варяковку, да еще и с родовым костелом, в котором похоронено два десятка Любомирских. Вот только зачем я вам об этом рассказываю? А-а-а, вспомнил я, зачем...

Ф и о л е т о в (*оставаясь навтыяжку, выпучивает глаза. Язвительно*). Да уж, ваше сиятельство.

М и р с к и й . Опять вы... В отставку я вышел церемониймейстером, так что меня следует титуловать высокоблагородием – вот только стоит ли между нами? Уж давайте лучше по имени-отчеству.

Г л а з о в (*шепчет на ухо Л е к а р ю*). А сам в карете с княжескими гербами разъезжает, доктор.

Л е к а р ь (*так же*). Известное дело, демократ.

Ф и о л е т о в (*щелкает каблуками*). Виноват, ваше высокоблагородие!

М и р с к и й (*присматривается к Ф и о л е т о в у , усмехается*). Да ладно уж, господин Городничий! О какой двойственности вы говорили?

Ф и о л е т о в (*искренне изумлен*). Я? О двойственности? Человеческой природы? С чего бы это? Ах да, вы о публике спрашивали. Тут лучше из первых рук, сударь. (*Рычит*). Матюшка! (*Пауза. Мягким голосом*). Господа! Будьте добры, позовите суфлера.

С у ф л е р (*выныривает из толпы, расталкивая актеров. Подходит, вытирая рот рукавом*). Ну, вот он я! Чего разорался, Иван! Думаешь, как в ботфорты влез, так уж и прямым полицейским начальником стал?

Ф и о л е т о в (*всплеснув руками, горестно*). Тяпнул! Уже тяпнул? Где же твоя совесть, Матвей? Мы же с гурьбой любителей, без генеральной репетиции на "Ревизора" отважились, и на тебе, суфлере, весь спектакль держаться должен ....

С у ф л е р . И будет держаться, не шлепнется же! А тяпнул для куражу, как положено. Меня теперь хоть опять на сцену в "Гамлете", вторым гробокопателем! (*Нервный смех из толпы актеров-любителей. Оглядывается обиженно*). Зачем звал?

Ф и о л е т о в . Расскажи вот сам его сиятель..., нашему благодетелю, как там дела в кассе. И вообще с публикой.

С у ф л е р (*солидно откашлявшись в кулак*). Значится, в партер и в ложи продано 126 билетов. А на галерку народу набилось по завязку, потому как его сиятельства лакей выдавал каждому простолюдину, согласному пойти в театр, по калачу и по чарке очищенной.

М и р с к и й (*гордо*). В том подражал я Петру Великому, который так поступил при открытии первого театра в Петербурге.

С у ф л е р . Однако один мастеровой обижался. Я-де и за свои бы выпил, говорит, коли б знать, что така мода пошла, а зашел бы всё равно: любопытно и нам представление посмотреть. Это раз. (*Загибает палец*).

Из-за спин актеров доносятся аплодисменты, крики "Начинайте!", "Пора!" и свист.

Ф и о л е т о в . Не извольте беспокоиться, Владимир Ксавериевич, всего на четверть часа задерживаемся. У нас вроде как премьеры, а для премьеры задержки обычное дело...

М и р с к и й . Вы со мною, словно с ребенком. Будто я на театрах не бывал. (*Суфлеру*). Валяйте, почтеннейший, не тяните.

С у ф л е р . Странные с публикой творятся дела, доложу я вам. Что 126 билетов было продано, дознался я, у вас же перед проходкой моей в кассу точное время спросивши, ваше сиятельство. Имелось тогда у нас до начала спектакля, на афише объявленного, то бишь до семи часов пополудни восемь минут. И только что заглядывал я в кассу...

М и р с к и й (*достает золотые часы на цепочке, отщелкивает крышку*). Сейчас ровно четверть восьмого.

С у ф л е р . Вот. А там, в кассе, продано всё те же 126 билетов. Такого не бывает, чтобы дворяне на театр не опаздывали. Это два.

Все присутствующие на сцене переглядываются.

Ф и о л е т о в . В театральном деле всяко случается. (*Осторожно, отодвинувшись от Суфлера*). Бывает, что деньги у господ за кресла берут, а билеты забывают отдать. А вот откуда забывчивость происходит? Видать, планеты таким манером промежду звезд расположились.

С у ф л е р . Какие планеты, Ваня? Да я ушам своим не поверил, когда ты намекнул, что моя супруга Василиса Кузьминична, посаженная тобой на раздаче билетов, могла своровать! Во-первых, она честнейшая женщина. Во-вторых, за нею там приглядывает ла-

кей его сиятельства. (*Мирскому*). И тот ваш лакей Степан, парень рассудительный и к человеку искусства уважение имеющий, вот что велел вашему сиятельству секретно донести. (*Громко шепчет*). Степан говорит, что ни один чиновник не пришел, ниже жены их и прочие из семей ихних зрители. Это три.

Мирский. Ну, как раз здесь-то никакого секрета нету. Это мне еще в полдень перенесли, что городничий распорядился никому из чиновников на наш спектакль не ходить и домашних своих не пускать. Вы ведь ручаетесь за свои слова, полупочтенный наш Какой Какоевич?

Какой Какоевич (*в костюме и гриме Бобчинского выбирается из толпы, подсакивает к Мирскому*). Так точно, благодетель. Ручаюсь головой.

Мирский. Вот потому-то и нет никого из чиновников на театре, за исключением нашего дорогого почтмейстера. Он любезно согласился сыграть своего сослуживца по почтовому ведомству почтмейстера Шпекина.

Почтмейстер (*бодрится*). Много он на себя берет, наш городничий! Впрочем, я сам присутствовал (больше из любопытства), когда он поутру чиновников собрал, и слышал своими ушами его распоряжение. Господин городничий сказал: "Чтобы мне ни одной самой заваливающей и пьяной чиновничьей морды не оказалось в зале!" А я, господа, и не в зале вовсе, а на сцене.

Его никто не слушает. Новый взрыв шума и криков в зале.

Фиолетов *Черт!* И вправду пора начинать. (*Сует Суфлеру книжку, крестит его*). Иди, Матвей, в будку. И Христом-Богом тебя молю: не засни там, как в Новочеркаске на "Дочери драгунского полка".

Мирский (*хихикает. Вполголоса*). Надо же, прямо на дочери ...

Суфлер. Кто старое помянет, Ваня... (*Поворачивается, чтобы уйти*).

Глазов (*в гриме судьи Тяпкина-Ляпкина*). Нет, не могу молчать! (*Останавливает Суфлера, обращается к Мирскому*). Если я предоставил вам книгу из основанной мною Староводской бесплатной городской библиотеки, если для общественной пользы не пожалел драгоценного прижизненного издания "Ревизора", то это еще не значит, что с ним можно так варварски обращаться! (*Фиолетову*). Вы, почтенный, позволили себе держать в книге вместо закладки свой собственный палец. А теперь этот ваш пьянчуга хватает моего Гоголя своими грязными руками. (*Суфлеру, трагическим тоном*). Я вижу, Ирод, что нос ты успел уже насандалить, а вот руки ты разве мыл?

Суфлер (*чуть было не хватил "Ревизором" об пол, потом зажимает его под мышкой, а обеими руками хватается за голову*). Оскорблять Иродом? Меня? Меня, лучшего благородного отца в Пермской губернии?

Мирский. Господа, да успокойтесь же! Господин Белоглазов, я в прошлом месяце побывал в вашей библиотеке и прекрасно запомнил, как у вас служитель надевал случившемуся читателю на пальцы бумажные колпачки. Пошарьте у себя в карманах, наделайте из ненужных бумажек колпачков, наделите ими суфлера и давайте начинать! А в антракте Матвей Батькович помоеет руки. И с мылом, а?

Суфлер (*ворчит*). Если пожалуете гривенничек на баню, господин библиотекарь, я не только руки вымою, а также ноги и голову. Драгоценное издание... А по страницам написано: "Читал я сию книгу, и видел в ней я фигу. Воспитанник Сидоров 2-ой". (*Уходит*).

Рабочий сцены. Господин антрепренер, а, господин антрепренер!

Фиолетов (*в сторону*). Однако нервное начало... Впрочем, как всегда, как всегда и везде. (*Громко*). О, чуть не забыл. Господа любители, тут наш рабочий сцены желает вас поостеречь. Сидорыч, в двух словах!

Рабочий сцены. Господа хорошие, на сцене и за кулисами имеются механизмы, опасные которые для вашего здоровья. Вот за это помимо меня дергать (*указыва-*

ет на веревки) Боже упаси. Механизма подъемная: на ней с одной стороны подвешивается за кольцо на поясе какая-нибудь дамская воздушность в виде Ангела, или даже такой приятной консистенции, как наша знаменитость госпожа Росальская (*полупоклон в сторону гримуборной*), а с другой стороны – добрый мешок с песком. Дерните, запустите пустую механизму, и мешок сорвется на сцену, запросто кому-нибудь шею сломит. За правую кулису и не тыкайтесь: там пол прогнил. Как ходите по сцене, под ноги зрители имейте, чтобы не наступить на люк и не провалиться.

Череватенко (мрачно). А куда потрапашь, если провалишься?

Рабочий сцены. Обнакновенно куда. В ад, ваше степенство. (*Достает трубку, чиркает спичкой о подошву, прикуривает. Актеры-любители кривятся от вонючего духа "сернички"*). А главное – не курите здесь, господа хорошие! Вокруг картон, холсты пересохшие – полыхнет, и поминай, как звали. А кстати, где пожарный? Ему положено за кулисами в полной амуниции стенку подпирать.

Филолетов. Да уж... Теперь пора! Теперь по старому театральному обычаю сосредоточимся и помолимся перед началом. Молчание, *silentium!*

Все на сцене, кроме *Мирского*, критически оглядывающего свои ногти, послушно сосредотачиваются и бормочут. Некоторые крестятся.

Мирский (встает, поворачивается к гурьбе актеров, опираясь правым коленом на сиденье кресла. Протягивает вперед руку, как оратор). Милостивые господа! Согласен, за такое начинание и прогрессисту не грех помолиться. (*В толпе ропот. Продолжает, не обращая внимания*). Ведь этим спектаклем талантливого русского писателя Гоголя наша группа передовых и свободомыслящих людей Староводского уезда дает сегодня решительный бой продажной камарилье городских взяточников во главе с грубым служакой городничим. Увидев на сцене дикие рожи чиновников, обличенных Гоголем, и сравнив их с нашими монстрами, кои ничуть не краше, дворяне Староводского уезда прокатят на приближающихся выборах приспешников и приятелей городничего, и на должностях предводителя дворянства (*выпрямляет спину*), председателей и заседателей палат гражданского и уголовного суда и прочих засядут наши кандидаты! Староводск окажется в наших руках, в руках людей гуманных и прогрессивных, людей честных и порядочных. Господа, не бойтесь! Пусть полицейская власть принадлежит нашим противникам, зато Бог за нас, за нами правда и незыблемые права российского дворянства и граждан Российской империи, под защитой справедливых законов которой нам не страшен никакой Держиморда и никакой взяточник в чиновничьем мундире! Я кончил, господа.

Пауза. Потом начинает аплодировать *Лекарь*, к нему присоединяются *Череватенко* и *Глазов*.

Мирский Я счастлив, господа, вашей безоговорочной и единогласной поддержкой. (*Достает белоснежный платок и обмахивается им*).

Почтмейстер. А я, пожалуй, пойду. Я ведь совершенно о том забыл, господа, а между тем я недавно женился. Моя Олимпиада Вуколовна, небось, обо мне уже беспокоится. (*Актеры дружно удерживают Почтмейстера за полы мундира. Он остается*).

Мирский (снова разваливается в кресле. Томно). Какой Какоевич, не в службу, а в дружбу, сходите вы, заберите сюда Степку. Мне пора переодеться, да и ему тоже. Вы же Бобчинского играете, вам не тотчас выходить.

Филолетов. Да заодно заскочите, голубчик, в кассу. На вас там набросится крикливая баба. Прикажите ей от моего имени выручку и оставшиеся билеты взять за паузу и встать вместо Степана на дверях. На галерку, впрочем, пусть пускает по-прежнему безденежно.

Какий Какоевич. Лечу повинность исполнять. (*Убегает*).

Фиолетов. Матвей, я тебе пьесу отдал, так уж ты разогни да назначай, кому в первое отделение на сцену.

Голос Суфлера. Сейчас. (*Важно*). Так что господа «городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных» – пожалуйста бритесь!

Лекарь. Извините, но разве я выхожу не в третьем явлении?

Фиолетов. Да это не о вас, господин доктор, вы же у нас Добчинский! Это в комедии господина Гоголя выведен «Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь». Он там он по-русски не бум-бум, ни аза не знает, а ему чиновники без конца: "Ауфидерзеен, Христиан Иванович!" Вот мы с Владимиром Ксавериевичем и решили сократить: без немца обойдется! Да и без частного пристава Уховертова заодно. (*Актеры уходят на сцену*).

Мирский. Иван Семенович! На секунду! Скажите, во-первых, почему у вас Держиморда в маске?

Фиолетов. Наш гример, правду сказать, сбежал еще в Рыльске, и с тех пор моя супруга Светлана Марковна всех гримирует. Так она убедила меня, что у господина Сионского физиономия до того постная и ученая, что под квартального полицейского Держиморду его никак не загримируешь. Вот она и не пожалела своих белых ручек, полночи лепила маску из папье-маше и раскрашивала.

Мирский. Прямо тебе античный театр! А признайтесь, Иван Семенович, что сам же учитель её и уговорил. Надеется, хитрец, что под маскою не узнают.

Фиолетов разводит руками. Порывается убежать. За спинами актеров новый взрыв аплодисментов, криков и свиста.

Мирский. И последний вопросик, Иван Семенович...

Фиолетов. Какой еще вопросик? Театр разнесут...

Мирский. Нету ведь никого на роли Слесарши и Унтер-офицерской вдовы.

Фиолетов. Не вполне нету, ваше сият... Владимир Ксавериевич. Наш комик Пустышкин сотрет грим Земляники и сыграет Слесаршу. Проказник Пустя... то есть Пров Петрович замечательно представляет старух, обхохочешься... А третье и четвертое явления совсем уберем, тогда он успеет к следующей реплике Земляники и переодеться снова, и загримироваться... Простите, бегу!

Мирский. А Унтер-офицерша?

Фиолетов. Да ну её к черту! Обойдемся...

Мирский (*поднимается из кресла*). Позвольте, но это же персонаж огромной обличительной силы! Публично высечена беззащитная вдова павшего героя, защитника православного нашего Отечества, да еще и по ошибке. Тем более сейчас, когда в Севастополе тысячи нижних чинов кладут головы... (*Пауза*). Куда же они их кладут? И в самом-то деле...

Фиолетов. На алтарь отечества. Я должен бежать!

Мирский. А зачем класть головы на алтарь? Уж не карбонарий ли вы, Иван Семенович? Да Бог с ними, с головами... (*Подходит к антрепренеру, подталкивает его в плечо поближе к гримуборной, повышает голос*). К тому же мне стало известно, что роль Унтер-офицерши репетировала ваша любовница, трагистка труппы Полина Лучезарнова. (*Фиолетов замирает на месте*). Однако после того, как я вас авансировал, Иван Семенович, и вы подарили на мои деньги своей супруге боа из чернобурки...

Фиолетов (*никуда уж не торопится, стоит перед Мирским в почтительной позе, гримасничает и тычет через спину оттопыренным большим пальцем в сторону гримуборной. Шепчет*). Какая еще чернобурка? Наврал вам ваш Какой – обыкновенная лисица с подпалинкой... Да и зима на дворе, морозы...

М и р с к и й . В общем, ваша maîtresse госпожа Лучезарнова, она же травести (ах, баловник, баловник!), разгневалась и, чтобы наказать вас, позволила месье Гранаткину увезти себя в его имение Загуляйки.

Ф и о л е т о в (*в панике*). Тише, тише, Господа ради!

М и р с к и й (*ласково*). Почему вы так её боитесь, госпожу Росальскую? Разве вы с нею не в гражданском браке? Разве между вами не безоблачные отношения свободно соединивших свои жизни передовых людей?

Ф и о л е т о в . О Боже!

М и р с к и й . Как странно! Знаете, я поработал за вас, пригласив на роль Унтер-офицерши одну свою старую приятельницу, Катишь Хоменкову. Я уже послал за ней карету с фореитором. Накрасится, расфуфырится и подъедет. А вы можете идти.

Ф и о л е т о в , топая ботфортами, убегает за внутренний занавес.

Стоящие слева П о ч т м е й с т е р , Р а с с в е т о в и Л е к а р ь переглядываются.

П о ч т м е й с т е р снова делает движение, будто хочет убежать, но останавливается.

М и р с к и й (*снова развалился в кресле*). Господа, я мог бы успокоить Ивана Семеновича, пояснив, по какой уважительной причине месье Гранаткин не станет посягать на честь мадмуазель Лучезарновой.

Л е к а р ь . И я бы смог, с вашего позволения.

М и р с к и й (*поднимает брови*). В самом деле? Однако мы с вами промолчали, доктор, и теперь первая реплика "Ревизора" будет произнесена с неподдельным чувством.

Р а с с в е т о в (*присвистнув*). Ничего себе режиссерский приёмчик...

М и р с к и й одаряет актера неласковым взглядом.

Г о л о с Ф и о л е т о в а . Сидорыч, поднимай занавес, родной!

М и р с к и й в кресле скрещивает пальцы.

Р а б о ч и й с ц е н ы . Ну, с Богом! (*Тянет за одну из веревок*).

Со сцены слышится глухой удар, ахи-охи. Из зала – крики и свист.

Р а б о ч и й с ц е н ы (*чешет в затылке*). Эхма! Не та была, вишь, веревка-то...

Ф и о л е т о в (*за собою, пыхтя, вытаскивает на веревке большой толстый мешок. Плаксиво*). Ты что же творишь, инквизитор гишпанский? Смерти моей хочешь?

Р а б о ч и й с ц е н ы (*смущен, подбегает помочь*). Извиняюсь, Иван Семенович. Не за ту веревку потянул. Они тут как-то не по-русски подвешены.

М и р с к и й . Там хоть все живы?

Ф и о л е т о в . Живы-то живы, но... Держиморда сомлел. Груз-то рядом с ним ухнул. Нет ли у вас с собою, доктор, нюхательных солей?

Л е к а р ь (*подаёт пузырек*). Всегда беру с собою, когда надеюсь оказаться в дамском обществе.

Р а б о ч и й с ц е н ы (*тянет тем временем за другую веревку*). А вот она где, от занавеса. (*Гордо*). Вишь, открывается!

Ф и о л е т о в . Да погоди ты! (*Убегает. Пауза, заполненная шумом в зале*).

Г о л о с Ф и о л е т о в а (*истощным шепотом*). Сидорыч, давай!

Р а б о ч и й с ц е н ы (*сперва недоверчиво присматривается к веревке, потом хватает её и вытягивает до упора*). А я что говорил? Она, родимая!

Шум постепенно стихает. Редкие аплодисменты.

Г о л о с Ф и о л е т о в а (с неподдельным чувством). Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Г о л о с С у ф л е р а . Аммос Федорович, господин Глазов. «Как ревизор?» (Пауза). «Как ревизор?»

Г о л о с Г л а з о в а (тихоньким тремоло). К-к-ак р-р-рев-в-в-изор?

Г о л о с С у ф л е р а . Пустя, ты. «Как ревизор?»

Г о л о с П у с т ы ш к и н а (громко, раскатисто). Как ревизор? (М и р с к и й недовольно морщится).

Г о л о с Ф и о л е т о в а . Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо... (М и р с к и й затыкает уши пальцами. Пауза. Отнимает пальцы от ушей)...и уведомить тебя". А! Вот: "Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию... (М и р с к и й прижимает пальцем одно ухо. Г о л о с Ф и о л е т о в а звучит раза в два тише)... и особенно наш уезд. (М и р с к и й снова затыкает уши пальцами. Пауза. Отнимает пальцы от ушей) ... потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки..." (М и р с к и й машет рукой в сторону зала и сцены и топает ногой). Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрыпке... (голоса на сцене замолкают до конца спектакля).

Стоящие слева П о ч т м е й с т е р , Р а с с в е т о в и Л е к а р ь устали на М и р с к о г о . П о ч т м е й с т е р мизинцем правой руки прочищает себе правое ухо и таким же порядком левое.

Л е к а р ь . Вы это проделали посредством электрического разряда, не иначе...

М и р с к и й (любезно). Простейшим способом, доктор. Попросил Сидорыча опустить внутренний занавес. У него же, как всегда, заедало.

П о ч т м е й с т е р , Р а с с в е т о в и Л е к а р ь синхронно поворачивают головы. Р а б о ч и й с ц е н ы , и в самом деле, красуется у веревок.

Р а с с в е т о в . Свежо предание, а верится с трудом.

П о ч т м е й с т е р . Нет, нет, ваше сиятельство. Вы – масон, розенкрейцер. Русский Калиостро!

М и р с к и й . Как вам угодно. А мне нужно подумать. Если желаете смотреть спектакль, господа, подойдите к левой кулисе. Да и указания суфлера в сем случае не пропустите. Месье почтмейстер, ваш выход следующий.

П о ч т м е й с т е р . Может, когда-нибудь в другой раз, ваше сиятельство? Ах, простите, зарапортовался.

М и р с к и й (в сторону). Почему же всё-таки не было опоздавших? Запретил городничий служилому люду показываться на представлении – и прекрасно, ибо сам подставился, дураком. Но неужели... (Задумывается).

Слева появляются К а к и й К а к о е в и ч и С т е п к а . Весьма предупредительно, с извинениями и поклонами, проталкиваются мимо актеров у левой кулисы, движутся через сцену, трогательно поддерживая друг друга и остерегая (тише, мол, авось не заметит!). М и р с к и й поворачивает голову и внимательно смотрит на них. Пауза.

М и р с к и й (вкрадчиво). Так с какой стати посмели вы меня подвести?

К а к и й К а к о е в и ч . Да так как-то вот. Ноливо уже было, не пропадать же вину и закуске, ваше сиятельство.

С т е п к а . Да я и не пил вовсе, Владимир Ксавериевич, разве что чуточку попробовал вино, не прокисло ли оно. Нешто мы не понимаем? Нешто мы позволили бы себе неблагопристойность в..., в...? (*Уставился на Какия Какоевича, надеясь на его помощь*).

К а к и й К а к о е в и ч . В трепетном ожидании пребывая... (*Неожиданно громко икает. Беспokoйно осматривается: икота сбила его с мысли. Неуверенно и тише*). В трепетном ожидании...

М и р с к и й . То есть вы, трепеща своего выхода под огни рампы, не вынесли мук ожидания – и...?

К а к и й К а к о е в и ч . В трепетном ожидании ужина после представления. С настоящим шампанским, вы уже изволили заказать у Филипьева. Вот, вспомнил я, чего хотел сказать.

М и р с к и й . Тридцать горячих, Степка. А сечь будет Герасим-кузнец. Напомни мне, когда вернемся в имение.

С т е п к а . Воля ваша, Владимир Ксавериевич. А право же, не по вине кара.

М и р с к и й . Поговори еще мне, пьяный скот! А теперь влепи Какою пару добрых затрещин. С правой размашки, а потом и с левой.

К а к и й К а к о е в и ч . Да как вы смеете!

С т е п к а (*подступает к Какию Какоевичу*). Прости, друг Какой: не моя воля, барина. (*Размахивается*).

М и р с к и й . Стой, не так! Остатки грима смажешь. Лучше в том же порядке два хороших тычка под ребра.

К а к и й К а к о е в и ч . Ой! Ой! Как вы посмели? Чтобы меня, потомственного дворянина, избивал ваш крепостной?

М и р с к и й . Но вы же соглашались со мною, Какой Какоевич, когда я пропагандировал идею всеобщего равенства людей.

К а к и й К а к о е в и ч . Я тотчас же покидаю вас, ваше сиятельство. Ноги моей больше не будет в вашем доме!

М и р с к и й . Так вот вам на дорожку пара пирожков. Отвесь, Степка, ему под дыхалку. И полновесных, не жульничать мне!

С т е п к а . Каковы дружки, таковы им и пирожки. (*Размахивается*).

К а к и й К а к о е в и ч , задыхаясь, падает на сцену. Разевает рот, как рыба, выброшенная на берег, хочет вздохнуть и не может. Катается по сцене. Актеры собираются вокруг него, неодобрительно посматривают на Мирского. Какий Какоевич начинает плакать.

Р а с с в е т о в . И не стыдно вам, господин Мирский?

Л е к а р ь . Удары в солнечное сплетение чрезвычайно опасны: невзначай и убить можно.

М и р с к и й . Ничего, переживу! И Какой переживет. А поплакать сейчас ему, подлецу, даже и полезно. Гладишь, и часть спиртуозных паров со слезами выйдет. (*Начинает злиться*). А на меня чего смотрите? Думаете, что это за демократ такой? А уж такой я демократ. И Гоголь ваш драгоценный был не лучше. Посмотрите сами: у него в "Ревизоре" явления обозначены без внимания к приходам и уходам слуг. Будто они и не люди вовсе! А вспомните его несчастеньких, его знаменитых "маленьких людей" – ведь все как один дворяне, и Башмачкин, и Поприщин! Да и сами вы...

К а к и й К а к о е в и ч внезапно вскакивает на прямые ноги, хохочет, барабанит себя по брюху кулаками, подпрыгивает на обеих ногах.

К а к и й К а к о е в и ч (*выкрикивает*). Обманул! Надул всех! Обмишулил! У меня же на живот подушка подложена!

С и о н с к и й . (*Вбегает в маске Держиморды*). Господа, вы что ж, заснули здесь? Суфлер уже охрип, Почтмейстера выкликаючи. Меня господин Фиолетов послал, а сам принялся по второму разу про письмо рассказывать!

П о ч т м е й с т е р (*вздрагивает*). Вы как знаете, господа, а я не пойду. Решительно не пойду! Тут и за сценой черт знает что делается, а вы меня – на сцену! Чур меня, чур!

Изловчившись, Р а с с в е т о в и Л е к а р ь хватают брыкающегося П о ч т м е й с т е р а за руки, К а к и й К а к о е в и ч со С т е п к о й – за ноги, раскачивают и забрасывают на сцену.

Р а с с в е т о в (*декламирует*). Взглянуть, как треснулся он: грудью или в бок?

С т е п к а (*поднимает с полу сумку П о ч т м е й с т е р а , протягивает Л е к а р ю*). Господин Почтмейстер свою сумку потеряли, а им без сумки как без рук. Забросьте, будьте любезны, господин лекарь! (*Л е к а р ь выполняет просьбу*).

М и р с к и й . Доктор, вы подготовьтесь сами, следующий выход ваш. И ты, приятель, приободришься, слезы осторожно вытри и сосредоточься на роли. Лучше бы вам за руки взяться и войти вместе, друг друга приободряя.

К а к и й К а к о е в и ч . Эх, ваше сиятельство, обиделся я всё-таки на вас. Едва я, фигурально выражаясь, успел вдохнуть запах кулис, едва я, опять-таки фигурально выражаясь, человеком себя снова почувствовал, как вы меня – под дых. Не бойтесь, никуда я от вас не денусь. Таким лизоблюдам, как я, прежде чем обижаться на благодетеля, требуется сперва новое блюдо найти.

М и р с к и й . Но-но! Тебе ничто не мешает подать на меня в суд за оскорбление твоей чести.

К а к и й К а к о е в и ч . А вот вам, ваше сиятельство! (*Тычет кукиши*).

М и р с к и й (*хохочет. Поворачивается к Степке*). Ну, давай мне переодеваться. Скоро и нам с тобою на сцену.

С т е п к а лихо открывает дверь в уборную, срывая задвижку. Оттуда вылетают, визжа вполголоса, Р о с а л ь с к а я и Р а с с в е т о в а и, отвернувшись от мужчин, срочно завершают свой туалет.

Р о с а л ь с к а я . Что это вы себе позволяете, господин Мирский, а еще в университетах обучались?

Р а с с в е т о в (*бросается к матери*). Он вас обидел, маменька?

М и р с к и й (*невозмутимо*). Прошу прощения, mesdames. Однако же и вы, госпожа Росальская, подзадержались в уборной.

Р о с а л ь с к а я (*отстраняет Р а с с в е т о в а*). Еще бы! Я ведь гримировала всю эту вашу команду, замучилась прямо. А вот сноха моя Изольда Аркадьевна мне крепко помогла с костюмами, все свои пальчики исколола.

Р а с с в е т о в а (*делает книксен*). Счастлива служить вам, ваше сиятельство.

М и р с к и й . Правда? Это приятно. (*Заходит в уборную вслед за Степкой. Тот раздергивает занавески*). Инженю, она же прекрасная гризетка, сегодня еще припомнит эти свои слова.

С т е п к а . Женить меня в наказание собрались? После Красной горки? Эх, не по вине кара.

Р а с с в е т о в (*жене*). Не стоило тебе, Зóля, расстилаться перед этим сатрапом.

К а к и й К а к о е в и ч внимательно рассматривает кресло в свой треснувший лорнет и усаживается в него в той же позе, что давеча М и р с к и й .

С т е п к а (*снимая сюртук с хозяина*). Теперь извольте ручки держать посвободнее... вот, хорошо...

М и р с к и й . Давай рассказывай... Впрочем, некогда. Меня сейчас только одна вещь интересует. Скажи, много ли простолюдинов пришли в театр или просто появлялись на площади после третьего звонка?

С т е п к а . И вовсе даже нисколько, Владимир Ксавериевич, я сам удивлялся. Ни чистой публики, ни мастеровых. И площадь будто вымерла. Мы почему и соблазнились с Какоем, что оказались в греховной праздности перед морем разлитым даровой водки...

М и р с к и й . Не бывает ничего дарового в жизни, болван! Я за ту водку заплатил заемными деньгами, а ты еще доплатишь собственной спиной. Да только дело не в тебе... Дай сосредоточиться!

Л е к а р ь (*пытается привлечь внимание Как и я Какоевича*) Зовут уже нас подготовиться к выходу на сцену, Какой Какоевич.

К а к и й К а к о е в и ч (*зевая и потягиваясь*). Да что это вы все заладили: Какой Какоевич, Какой!... Особливо же вам не к лицу и не по чину, доктор: вы человек молодой, не чиновный, не богатый, да и не дворянин. Я, с вашего позволения, Акакий Акакиевич, это наш сиятельный остроумец меня для смеху переименовал.

Л е к а р ь . Прошу прощения, Акакий Акакиевич. (*Подозрительно*). А фамилия ваша случайно – не Башмачкин?

Р а с с в е т о в а смеется и аплодирует. Л е к а р ь смущен и неловко кланяется.

Р а с с в е т о в (*в недоумении*). Вот ведь любит Зóля посмеяться... Иной раз ей только палец покажи.

К а к и й К а к о е в и ч . Фамилия-то моя честная-благородная, она вам ни к чему... А вот почему благодетель Какием Какоевичем прозвал, я уж лучше вам сам расскажу, а то ведь всё равно кто-нибудь продаст – и обязательно приврет, подлец, чего и не было. Были же именины у нашего полукнязя, и я до уголка своего, занавеской в людской отделенного, добрести не сумел и прикорнул, пьяненький, в библиотеке на диванчике. А проснулся, ощущая... обделавшись, если коротко, а вокруг гости хохочут. И хозяин стоит, зажав нос, надо мною в халате и сурьезно так, для смеху, укоряет меня. И, как на грех, тут же рядом, под шкапом красного дерева, присела любимая борзая сука полукнязя, Зорька, и гадит. А он на неё никакого внимания! (*Из-за кулисы слева выбегает С и о н с к и й . Манит к себе Л е к а р я , тот не видит, увлеченный рассказом*). Однако же я тогда нашелся: «Где же ваша справедливость, Ваше сиятельство? Собаке вон у вас позволено какать в библиотеке, а потомственному дворянину – уже нельзя!» Мои острые слова по всему уезду прогремели, всё жду, когда их и в газетах пропечатают... Только непонятно мне, как это они до вас не дошли? (*Снова выбегает С и о н с к и й . Молча воздевает руки гóре*).

Л е к а р ь . Просто я не в тех эмпиреях вращаюсь, Акакий Акакиевич. Смотрите, опять Держиморда выскочил, нас зовет!

К а к и й К а к о е в и ч . Ладно уж, Бог с вами. Дайте мне руку. Да, вот так... (*На ходу откашливается, пробует голос*). Чрезвычайное происшествие!

Л е к а р ь (*робко*). Неожиданное известие!

За кулисой исчезает сначала С и о н с к и й , затем Л е к а р ь за руку с К а к и е м К а к о е в и ч е м .

Росальская. Зачем ты делаешь, душа моя, этому чудаку авансы, да еще такие непонятные? Беден, фигура совершенно не танцевальная, а ноги кривые. Еще вообразит о себе, станет надоедать.

Рассветова. Ах, маменька! Впрочем, и ты, Алексис, перестань витать в облаках и тоже послушай. Доктор не станет докучать. Он смешной, и я не боюсь его. Чем и приятен, в отличие от его сиятельства: тот, противный, так и ест меня глазами. Я вот всё думала, маменька, о том, что вы сказали давеча насчет белого рюша к тому синему платью, ну, которое под горлышко, вы в нем еще играли Марию Стюарт. Не будет ли слишком мрачно для вас? И не идет к вашим глазкам. (*Рассветов пожимает плечами и начинает смотреть по сторонам*).

Росальская. О, как давно это было, дружок! Я о том золотом времени, когда я играла Марию Стюарт...

Рассветова. Вы еще, маменька, хотели превзойти знаменитую Рашель.

Росальская. ...и когда еще влезала в то синее платье. Теперь-то ясно вижу, что было это для меня золотое время, а тогда я злилась, что растолстела (представляешь?) и что молодость почти прошла, а я мало чего к своим тридцати достигла. Посмотрела бы я тогда на себя теперешнюю!

Рассветов. Маменька, да вы прекрасно выглядите!

Рассветова. Зачем вы клеветеете на себя, маменька?

Росальская. Уж не знаю, что и ответить... Боюсь, что вы всё-таки мне льстите, дети. (*Обнимает обоих за плечи*). А платье это, синее с белым рюшем, мы для тебя перешьем, дружок. Только ты уж прости, но там обшлага обтрепались. И прореха...

Рассветова. Где прореха, маменька? (*Росальская шепчет ей на ухо*). *Соображая*). Тогда обязательно надо будет пустить кружевное, этакое воздушное, внизу рукавов. А вот на мадам Сижу... Не ушить ли там – и от талии вниз по всей длине? (*Задумывается*).

Из гримуборной выходят **Мирский** и **Степка**. **Мирский** в красной косоворотке, плисовых шароварах и грубых сапогах, в руках держит золотые карманные часы, на носу оставлены золотые очки. **Степка** в парике цвета соломы.

Степка (*ворчит*). И правильно, неча в уборной часы оставлять. Кто её знает, эту актерскую шатию-братию...

Рассветов фыркает. **Мирский** находит в штанах карман, сует туда часы. Разваливается в кресле в прежней позе. Вваливаются гурьбой **Пустышкин**, **Глазов**, **Череватенко**, **Почтмейстер**. Уставились на **Мирского**, **Почтмейстер** захихикал, **Череватенко** ухмыльнулся, **Пустышкин** захохотал и тотчас зажал рот рукой, отвел глаза и отмахнулся, точь-в-точь, как человек, увидевший привидение и не поверивший глазам своим.

Мирский (*язвительно*). Скажите и мне, господа, что смешное увидели, я тоже не прочь посмеяться.

Пустышкин. Очки ваши, ваше высокоблагородие, желательно бы убрать перед выходом на сцену.

Мирский. Извольте, если вам желательно, чтобы я всем поотдавливал ноги – перед тем, как свалюсь в оркестровую яму. (*Актеры переглядываются*).

Пустышкин. Милые дамы, Матюшка просил вам передать, что ваш выход через пару минут. Как только вся компания придурковатых любителей уберется со сцены.

Росальская. Мерси тебе, конечно, Пустя, но мы и сами помним... Есть ли что на свете более волнительное, чем первый выход в новой роли? Чем эта неизвестность впереди и мурашки по спине, когда тебя выпихивают на сияющую голгофу авансены? О!

Р а с с в е т о в а . Как вы хорошо сказали, маменька! Я испытываю весьма похожие чувства, вот ещё только бывает стыдно... Ведь я Бога молю, чтобы зритель не разглядел на мне обносок и не догадался, что Васька-гример сбежал.

Р о с а л ь с к а я внимательно присматривается к снохе, но ничего не говорит. Обе начинают прихорашиваться, ерзают, чуть ли не подпрыгивая, суетятся. Зрителю они должны напомнить бегунов на стометровке перед забегом. М и р с к и й неторопливо поднимается с кресла и становится за спиной Р о с а л ь с к о й . Из-за кулисы появляется Ф и о л е т о в , за ним П о ч т м е й с т е р , К а к и й К а к о в и ч , Л е к а р ь и С и о н с к и й . Р о с а л ь с к а я с Р а с с в е т о в о й приподнимают юбки и начинают свой забег на сцену.

Р о с а л ь с к а я (*внезапно тормозит*). Кто из вас меня ущипнул?!

Р а с с в е т о в . Кто посмел ущипнуть мою мамашу?

Ф и о л е т о в . Кой черт там щипается, господа? (*Пауза, все молчат*). Ладно, нет времени разбираться! Девочки, на сцену! (*Пауза*).

Г о л о с Р о с а л ь с к о й . Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Ф и о л е т о в (*кричит у левой кулисы*). После, после, матушка!

Г о л о с Р о с а л ь с к о й . После? Вот новости – после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А?

Ф и о л е т о в (*широко шагает через всю сцену к креслу, усаживается в него*). Провал, ужасный, невообразимый провал! Какие-то святочные игры вяземских посадских. Странно, что мне самому не приснились под утро две черные крысы. Ничего, Анна Андреевна и Марья Антоновна у нас опытные, битые – авось вытащат первое действие! (*Прислушивается*). Сидорыч! Сидорыч! Кой черт велел опустить внутренний занавес?

Р а б о ч и й с ц е н ы (*появляется у веревки. Указывает на Мирского*). Вот они-с.

М и р с к и й (*стоит посредине авансцены, по-наполеоновски скрестив руки на груди*). Да, это я распорядился. Мне надо было подумать в тишине.

Ф и о л е т о в . А сейчас почему бы не раздернуть?

М и р с к и й . Я еще не додумал, Иван Семенович. (*Рабочий сцены разводит руками*).

Ф и о л е т о в (*озирается, осторожно поднимается с кресла, пересаживается на стул, тут же встает, чуть ли не на цыпочках отправляется к левой кулисе, прислушивается. Покачивает головой*). Иногда моя супруга проявляет на сцене темперамент прямо-таки африканский. Ага... Вот оно, первое "Скорее!". "Скорее!" – два, "Скорее!" – три... Сидорыч, занавес!

Р а б о ч и й с ц е н ы (*нерешительно*). А какой?

Ф и о л е т о в . Что – какой?

Р а б о ч и й с ц е н ы . Какой тебе занавес требуется, Иван Семенович?

Ф и о л е т о в . Главный занавес опускай, урод! Домучили мы первое действие.

Р а б о ч и й с ц е н ы (*ворчит*). Будто нельзя было сразу изъяснить... (*Тянет за веревку*).

Ф и о л е т о в опять прислушивается. Вздыхает.

М и р с к и й . Небось, бурные аплодисменты? Крики "Браво!"?

Ф и о л е т о в . Смеяться изволите? Вообще-то похлопали немножко...

П у с т ы ш к и н (*приятно улыбаясь*). Это с галерки, ваше сиятельство. Всегда найдется мастеровой или парикмахер, осведомленный, когда на театре положено бить в ладоши.

Г о л о с Р а с с в е т о в о й . Маменька, успокойтесь! Да плюньте вы на них!

Р о с а л ь с к а я (вылетает на середину сцены, подбоченивается). Так кто из вас посмел меня ущипнуть? Ты, что ли, Пустя? За старое взялся?

П у с т ы ш к и н . Да я ни сном ни духом, красотулечка... За кого ты меня принимаешь?

М и р с к и й . Это я, сударыня. (Склоняет голову). Покорно прошу меня простить. (Пауза).

Р о с а л ь с к а я (тоном уже ниже). И с чего бы это?

М и р с к и й . По непреодолимому душевному побуждению. Просто безумно захотелось. Еще раз прошу меня извинить.

Р о с а л ь с к а я . Боюсь, у меня синяк останется... (Задумчиво). Вот уж не думала, ваше сиятельство, что вам нравятся пышные блондинки и чуть постарше тридцати.

М и р с к и й . Вот в последнем вовсе не уверен, сударыня. Говорю же, я поддался непреодолимому влечению. Знаете, ожидание первого выхода на сцену, вечер актерского дебюта, волнение, раздражение нерв...

Л е к а р ь . Патологический случай... (шепотом) рукосуйства.

Ф и о л е т о в (с облегчением). Если раздражение нерв, тогда понятно. (Рассветову). Что выверился, Лёша, на человека? Поди-поди на свежий воздух, поостынь на морозце. (Хлопает в ладоши). Господа, за работу! Антракт для зрителей, а нам надо многое успеть ко второму действию.

К а к и й К а к о е в и ч . Еще чего захотел! Ишь, раскомандовался. Я, пожалуй, прилягу. (Укладывается под декорацию в центре сцены, ногами к гримборной). Ты, Семеныч, меня разбуди, когда понадобится.

Ф и о л е т о в . Бог с тобой, пьянчуга! (Рабочему сцены). А ты, Сидорыч, не медля, вытаскивай Матюшку из суфлерской будки, и давайте, други, мебель городничего со сцены выволакивать, а обстановку гостиничного убогого номера вносить. Помните, там немного нужно: «Постель, стол, чемодан, пустая бутылка...».

Р а б о ч и й с с е н ы . «Стол, чемодан, пустая бутылка...». Сделаем.

С т е п к а . Лак там на господском шкапу не поцарапайте!

Ф и о л е т о в . А вы, господа, садитесь, рассаживайтесь, пусть ноги отдохнут... (Господа усаживают дам, потом садятся сами. Сионский и Лекарь остаются стоять). Я, господа, давеча, быть может, слишком уж резко выразился. Пардоньте, это в сердцах. Однако ж играли вы, господа любители, из рук вон, за одним исключением. Дайте мне руку, господин почтмейстер, я её пожму в знак... Ну, пожму с благодарностью. Молодцом! Сперва заробели вы немного, не без того, да и вошли с излишней экстравагантностью, а потом разыгрались.

П о ч т м е й с т е р (сияет). Да как же было мне не освоиться, когда родная-то материя? И до чего же точно описывается, господа! Скажите, а сочинитель Гоголь не служил ли по почтовому ведомству?

Ф и о л е т о в . Не знаю, право, где Гоголь служил... Господа любители, я всё же надеюсь кое-что в спектакле на ходу поправить. Вот вы, например, господин доктор, всё первое действие простояли к публике спиной.

Л е к а р ь . Да ведь так оно натуральнее, Иван Семенович. Это вы норовите выстроить нас в одну линию, как на семейном дагерротипе.

Ф и о л е т о в . Исключительно лицом к публике, для неё ж играем! При чем тут натуральность? Хотя... Вот забыли мы с вами, Владимир Ксавериевич, о Частном приставе, из-за него в середине действия настоящая каша получилась. И еще Держиморда только под ногами путается и блеет...

С и о н с к и й вдруг убегает в угол сцены. На ходу срывает с лица маску и с отвращением её разглядывает. Бросает маску на пол. Останавливается у веревок, спиной к коллегам.

Р о с а л ь с к а я . Господа, да поднимите же кто-нибудь маску! Эх, столько труда в неё вложила, вонючего клею нанюхалась... Стыдно вам, господин учитель.

Л е к а р ь поднимает маску, подносит её на некотором расстоянии к носу и, как заправский химик, ладошкой подгоняет к себе от неё воздух. С отвращением отставляет подалее и отдает Ф и о л е т о в у . Тот рассеянно вертит её в руках.

С и о н с к и й . Извините, Бога ради, госпожа Росальская. Видно, я совсем непригоден к актерскому занятию.

М и р с к и й (убежденно). А и не нужно вам! И вовсе нам ни к чему, господа, сия пригодность. Мы же не собираемся в актеры поступать! Вообще трудно вообразить себе порядочного человека, который по доброй воле сделался бы актером. (*Присутствующие актеры переглядываются*).

Ф и о л е т о в . Однако... А без Держиморды обойдемся: никто и не заметит, что Держиморды на сцене нет. (*Разглядывает маску и вдруг тычет пальцем ей в глаз*). Вот тебе, урод!

М и р с к и й . Впрочем, для господина Сионского найдется занятие и потруднее, и попочетнее. Давайте-ка прогуляемся, молодой человек. (*Обнимает Сионского за плечи и направляется с ним к гримуборной*).

Они останавливаются, потому что из-за левой кулисы показывается Р а б о ч и й с ц е н ы , на горбу он тащит совершенно никакого С у ф л е р а . Укладывает его под декорацию головой к голове с К а к и е м К а к о е в и ч е м . Теперь они лежат точь-в-точь, как мужчины внизу фотографии участников пикника, только успевшие заснуть, пока фотограф возился со своим ящиком.

Р а б о ч и й с ц е н ы . Умаялся, бедолага. Легко ли было, выпивши, всем подсказывать? А мне, стало быть, теперь самому мебели тягать? Увольте, господа хорошие. Уж подмогнули бы.

М и р с к и й . В самом деле, помоги ему, Степка. Заодно и за моей мебелью присмотришь.

Г л а з о в (*вскакивает со стула, хватается за голову*). Книга! Где книга?

Подбегает к С у ф л е р у , осматривает его со всех сторон, снова хватается за голову и исчезает за кулисой.

Ч е р е в а т е н к о (*мрачно*). Чогось сумнив мэнэ бэрэ насчет шубы. Чи не стащить ийи з гардэропу? Була ж ужэ история у Нежине, и тоже зимою, на святках. Така ж прыйихала компания комедиянтв – та й смылася з театру з грошима за билэты, да еще и з шубами з гардеропу. А у нежинских грэков славные были шубы!

Дослушав историю, М и р с к и й вталкивает в гримуборную С и о н с к о г о , запирает дверь и собирается с мыслями.

П у с т ы ш к и н . Да это же черт знает что делается! Иван, как ты терпишь такое? Ведь это же моя мать, честнейшая женщина, тридцать лет отдавшая театру, сидит на гардеропе!

Ф и о л е т о в (*серьезно*). Успокойся, старый друг. Мне тоже не по себе. Однако мы анонсированы его сиятельством, и раз уже худо-бедно начали, должны доиграть. Я сокращу антракты. Черт с ними, с антрактами, буфетчик тоже заплатил вперед.

Возвращается Глазов с "Ревизором". Раскрывает его, пролистывает, охает, гримасничая.

Мирский. Вот уж не думал, что за кулисами можно так славно развлечься... (Сионскому). У меня к вам важное предложение, для молодого человека так даже заманчивое, господин учитель. Вы человек ученый, к вам благосклонны музы. Напишите-ка корреспонденцию о нашем спектакле (*на ухо*) в "Колокол" Александру Ивановичу Герцену. Я с издателем давно в переписке и знаю, как переправить рукопись в Лондон.

Сионский (*отшатывается*). Господи Боже! Это тебе не в "Ревизоре" рольку сыграть. Да меня со свету сживут!

Мирский. А вы не подписывайтесь. Я, вашу рукопись выправив, своим почерком перепишу, свой псевдоним поставлю – и тем приму огонь на себя. Либо тоже не подпишусь, а "голубые" примут вас за автора уже известного им корреспондента из Староводска, то есть за меня.

Сионский. Какие "голубые"? Ах да, те, в голубых мундирах... П-п-понимаю, ваше сиятельство.

Мирский (*декламирует*):

И вы, мундиры голубые,

И ты, подвластный им народ!

Сионский. Б-б-благодарю за предложение, ваше сиятельство. Но мне уже п-п-пора на квартиру, п-п-пожалуй. Сегодня вечером я еще тетради должен ис-п-п-равить. (*Порывается уйти, но не может справиться с защелкой*).

Мирский (*не делая попытки удержат*). Послушайте, ну неужели вы, человек образованный и гуманный, не хотите помочь прогрессу в нашей несчастной стране? Селяне закрепощены, мещане пьянствуют, и не ворует только ленивый. Как только мы отдадим туркам Крым, всё это старье и гнилье в государственной машине рассыплется. С кем вы тогда захотите быть – с победителями-прогрессистами или с замшелыми крепостниками, уползающими в свои норы? У вас ведь и норы своей нет.

Сионский. Допустим, я напишу, а вы подпишите... Не вижу я резона рисковать своим местом, ваше сиятельство. Уж извините, если подвел вас.

Мирский. Искандер гонораров не выплачивает, однако я вам заплачу. Из расчета пятьдесят рублей серебром за лист. А что боитесь, это пустое... Солдаты вон в Крыму тоже боятся, но под пули идут.

Сионский. Эх, где наша не пропадала! Ладно, я попробую.

Мирский. И упирайте на то, что городничий сам подставился: сперва разрешил представление, а потом не пустил на него староводских чиновников и, похоже, перекрыл все подходы к Театральной площади. Слово бы в открытую признался: "И я-де взятками живу". Да и глупость свою продемонстрировал. Сам, напишите, себя высек, как та унтер-офицерская вдова.

Сионский. Почему вы говорите: "унтер-офицерская вдова"? У Гоголя там "жена".

Мирский. Да? Но ведь "вдова" смешнее.

Почтмейстер, уже некоторое время подслушивающий их разговор, подскакивает к Глазову, выхватывает у него "Ревизора", поспешно перелистывает, возвращается к гримуборной и тычет раскрытой книжкой под нос выходящему уже из дверей Мирскому.

Почтмейстер (*показывает пальцем на странице*). Это Городничий говорит, что «вдова», а она «унтер-офицерская жена». Вы, господин Мирский, ошибаетесь точно так же, как Городничий!

Мирский. Да? (*Обходит Почтмейстера, словно это пустой стул*).

Из-за кулисы появляется *Степка* в обнимку с *Рабочим сцены*, отпускает его, тот падает, потом встает на колени.

Рабочий сцены (*с блаженным видом*). Так что пошабашили. Всем хороша пьеска, одно забыл сочинитель приписать. Куплетов не хватает! (*Орет оглушительно*).

Поп-задира, поп-буян,
Беспрерывно всегда пьян!
Он к Наташке подбегает,
Задирает ей подол...

Степка зажимает *Рабочему сцены* рот.

Фиолетов. Да что ж это за напасть такая?

Лекарь. Хвороба под названием *epidemia spirituosa*.

Череватенко. Косыть честной народ, нэначе шрапнэль.

Рабочий сцены (*передразнивает*). «Что за напасть? Что за напасть?» Сами же велели предоставить пустую бутылку. А где я вам пустую возьму? Я вон и полную едва выискал!

Степка (*бухается на колени рядом с Рабочим сцены*). Владимир Ксавериевич, не погубите! Сидорыч вылакал вашу французскую водку, вы её велели прихватить от простуды, а я спрятал в шкапу. Вот вам святой истинный крест (*крестится*), что я ему запрещал и сам ни глотка не выпил! Не погубите, барин! Вы мне и так уже десять плетей определили!

Лекарь (*уже известным зрителям способом апробирует запах, исходящий от Степки*). Подтверждаю. Пациент употреблял только отечественный продукт.

Мирский. А между тем поэтическое дополнение Сидорыча вовсе и не глупое, если присмотреться. Гоголь в "Ревизоре" своем высмеивает всё уездное общество, от судьи и до последней слесарши, однако ни слова не говорит о местном духовенстве. Будто в уездном городе нет ни благочинного, ни протопопа, ни простых приходских священников и дьяконов! Да и монастырь же есть ведь там какой-нибудь поблизости или даже в самом городе, как у нас здесь этот Яковлев третьеклассный.

Лекарь. Вот уж поистине рассадник мракобесия! Я там вскрывал нарыв на задку у келаря, так выяснилось, что святой отец убежден, будто это солнце вращается вокруг земли. А как же, дескать, может быть иначе, если в Ветхом Завете Иисус Навин остановил именно солнце, а не землю?

Глазов (*в ажитации*). Наш благочинный, когда открываться должна была моя библиотека, пожелал прежде проверить содержание книг. Почему я тотчас же не записал его перлов и не отправил тогда еще живому господину Гоголю? Ему бы хватило на новый "Ревизор"!

Почтмейстер (*на ухо Рассветову*). Сам тоже хорош! Не говел и не исповедовался много лет – мне доподлинно известно.

Рассветов (*громко*). Уж лучше бы сходил перед Пасхой. К чему дразнить длинноволосых? Маменька говорит, что в важных грехах можно и не признаваться: многого-де он хочет, попик, довольно с него и того, что пришла на исповедь.

Почтмейстер (*закрывает лицо руками*). Господи, Твоя воля! Вот прямо сюда Твоя молния и ударит!

Фиолетов. Едва ли. Сидорыч! Первый звонок! (*Пауза*). Черт! (*Сам подскакивает к колоколу и часто дергает за веревочку*). Пора протрезвлять Матюшку.

Суфлер (*поднимает голову*). Не надо, Иван. Сам перемогнись как-нибудь. Пьесу только верните. (*Жестом просит наклониться к нему. Громким шепотом*). Как думаешь, повяжут нас всех?

Фиолетов. Мое дело не думать, а играть.

Суфлер. Я-то ведь пьян был. Ты подтвердишь, Ваня? (*Фиолетов кивает*). И вы все свидетели, господа хорошие: пьян был суфлер, как свинья, не ведал, что творил. А вам, господин Мирский, первому на сцену.

Мирский. Степка, я должен произносить монолог, лежа на постели. Есть ли там постель, на которую я не побрезгую лечь?

Степка. Имеется ваш же диванчик на львиных лапах, Владимир Ксавериевич, я его вашим дорожным пледом покрыл.

Мирский. Сбегай и проверь всё досконально. И чтобы никакой мне мешок с песком не болтался над диваном.

Степка кланяется и уходит. Суфлер с кряхтением встает на ноги и ищет книжку с "Ревизором" у любителей. Фиолетов возвращается к веревкам, дает сам второй звонок. Подзывает Сионского.

Фиолетов. Господин учитель, не ходите больше на сцену. Становитесь здесь. Проще простого! Когда скажу, сделаете третий звонок. Вот так: дзинь, дзинь, дзинь. (*Звонит. Удивленно*). Ладно, тогда сделаете четвертый. А занавес поднимается этим вот канатом, а опускается вот этим. Если и ошибетесь, не беда: грузы уже свалились. (*Тянет за веревку. Со сцены доносится грохот*).

Голос Степки. Чемодан под пол провалился. Не страшно, я достану... А-а-а!!!

Мирский. Не премину вычесть с вас при окончательном расчете, господин Фиолетов. Леший с ним, с коньяком, он одесской выделки, а вот чемодан был настоящий парижский, шагреновой кожи.

Суфлер. Мыслил парень, что под ногою лесенка, а там обломки подъемной машины. Ничего, я подмогну. (*С "Ревизором" под мышкой, пошатываясь, идет к кулисам*).

Навстречу вылетает Катись, она крепко прижимает к себе растерянного Рассвета. Суфлер отшатывается, обходит их и исчезает за левой кулисой.

Катись (*весьма непринужденно*). Приветствую, господа! Что это ты напялил на себя, Вольдемар? Вы только посмотрите, господа, какую я птичку поймала! Малость заплутала, там темновато в проходах, вдруг смотрю, заходит с черного хода это чудо-юдо в перьях. Мало того, что такой хорошенький, да еще и раскрашен, как продажная девка. Вот, думаю, как прогрессирует разврат в нашем Староводске – не скучнее у нас, чем в ночном Париже! Останусь пока здесь, подождет меня Париж. Кричу ему: "Плачу любую цену! Ангажирую до утра!". А он – бежать. Пришлось помять немножко...

Фиолетов. Госпожа Хоменкова, позвольте представиться. Антрепренер театров российских Иван Семенович Фиолетов. А поймать вы изволили моего пасынка. Рекомендую: герой-любовник нашей труппы Алексей Никитич Рассветов. В гриме Хлестакова он прогуливался, обдумывая свою...

Катись (*разочарована*). Так он актеришка? Тогда забирайте... (*Отпихивает от себя Рассветова*). Впрочем, разница невелика...

Мирский (*отсмеявшись*). Дорогая Катись, я должен идти на сцену. Вон актрисы помогут тебе переодеться и загримируют. (*Уходит*).

Рассветов (*бросается в объятия к матери*). Маменька! Защити меня! Это же ужас что такое!

Росальская (*гладит сына по голове. Вполголоса Рассветовой*). Золя, вот это баба! Настоящая Бобелина, героиня греческая! Я всегда мечтала только так обращаться с мужчинами!

Р а с с в е т о в а (*озабоченно*). Маменька, вечно вы на себя наговариваете. Лучше поправьте у Алеши грим. У него на щеке лишнее красное "о" и губы вконец размазаны. Господи, и рукав у бедного оторвала... (*Извлекает из лифа иголку с ниткой, из рукава вытаскивает моточек ниток, берет нитку в рот, намачивая, вдевает иголку в нитку и продолжает говорить*). И никакого тебе понятия, что на театре всё понарошку, на живую нитку...

Мужчины постепенно обступают К а т и ш ь .

П у с т ы ш к и н . Не сразу и решился... Позвольте представиться, Пров Петрович Пустышкин, известный русский комик. Позвольте ручку. (*Целует руку у К а т и ш ь*).

Л е к а р ь . И мне позвольте ручку поцеловать, Екатерина Макаровна.

К а т и ш ь . Ну, здравствуй, Адриан Иванович. (*Треплет его по склоненной над её рукой голове*). Ишь, как тебе вихры-то наподадили!

Г л а з о в . А мне пожалуйста ножку поцеловать, по случаю старого знакомства.

К а т и ш ь . Пошел вон, Петька.

С т е п к а (*появляется, хромяя, из-за кулисы*). Их сиятельство легли и приказывают поднимать занавес.

Ф и о л е т о в . Держиморда! Господин учитель! Занавес!

Занавес

Акт второй

С и о н с к и й стоит у колокола, будто всю жизнь проработал на театральных механизмах, и с завистью наблюдает за играющими в подкидного дурака П у с т ы ш к и н ы м , Р а с с в е т о в ы м , Г л а з о в ы м , П о ч т м е й с т е р о м , Л е к а р ё м и Ч е р е в а т е н к о . Шлепают картами они на спине стоящего недвижно на четвереньках Р а б о ч е г о с с е н ы . Ф и о л е т о в прохаживается, руки за спину заложив, по сцене взад-вперед. К а т и ш ь в сарафане, лаптях, платке и в ужасающем (неспроста!) старушечьем гриме сидит в кресле, М и р с к и й , полуобняв её, на ручке кресла; курят сигары, она – с ужимками. Такая же сигара в зубах у Ф и о л е т о в а . Р о с а л ь с к а я и Р а с с в е т о в а сидя в гримуборной, сплетничают шепотом. За кулисами топот. Вваливаются, вытирая пот со лба и отдуваясь, С т е п к а , С у ф л е р и К а к и й К а к о е в и ч с карикатурной нашлепкой на носу.

С т е п к а . Готово, Иван Семеныч. (*Садится на корточки под декорацией*).

С у ф л е р . Господа хорошие! Я не вынесу, доложу вам, еще одной перестановки. Становая жила лопнет, ей-богу.

Л е к а р ь . Любопытно, какие именно физиологические процессы он имеет в виду?

Ч е р е в а т е н к о . Вы бы, доктор кислых щей, не умничали, а сдавали. В мэнэ туз.

Ф и о л е т о в . Пережили два позорных действия, авось и после третьего от стыда не удавлюсь. Господин учитель, изобразите третий звонок. (*Звучат три отрывистых удара в колокол*).

Л е к а р ь . Не пойму я, ваше степенство, зачем так злобствовать? (*Ловко собирает, тасует и раздает карты*). Черви козыри! А будь я доктор медицины, а не магистр – неужто был бы лучшим врачом?

Ч е р е в а т е н к о . Та я зовсім не на вас, доктор, розсэрдывся, вы вжэ пробачтэ мэни... Ладно, дограемо, тоди вжэ скажу.

Пустышкин. (*Почтмейстеру*). А вы что скажете на три восьмерки?

Глазов. А к ним и козырная.

Какий Какоевич. Вспомнился мне один помещик, так он каждые два дня переставлял мебель... Господа, пожалуйста карту.

Почтмейстер (*сердит, потому что принял*). Какую тебе сейчас карту, шут ты гороховый? Мы ж режемся в подкидного.

Какий Какоевич. Извините, господа... Привиделось, что штосс мечете. У меня как раз поплыли перед глазами стеклистые червяки.

Фиолетов (*бурчит, проходя мимо*). Лишь бы не черные крысы... (*Стучит в дверь гримуборной*). Девочки, пора на сцену.

Росальская и Рассветова, жеманничая и болтая, пробегают через сцену.

Суфлер, поклонившись, пропускает их вперед, затем и сам исчезает за кулисами.

Катишь. Фу! Глупые гусыни какие!

Мирский (*наставительно*). Откуда ты знаешь, какие они на самом деле? Вон Варя Асенкова была умница, хоть и любила повеселиться. Впрочем, ты её не можешь помнить.

Катишь. Еще бы! Когда она блистала в Петербурге, я безвыездно сидела в деревне у отца моего покойного, а потом под замком у мужа. Зато теперь я свободна и богата, передо мною – весь мир... А на какую из актрисок ты положил глаз, Вольдемар?

Фиолетов. Господин учитель, поднимайте чертов занавес!

Рассветов (*веселится*). Дурак! Дурак! Подставляйте нос, господин доктор!

Мирский (*посмеивается*). Да уж... Где нам, дуракам, чай пить... Пошли в уборную, у нас разговор не для чужих ушей.

Лекарь. Зачем ещё по носу? Мы так не договаривались. А вот сдаю снова я... (*Сдаёт*). Себе не вам, шестерку не сдам.

Фиолетов (*заглядывает ему в карты через плечо*). Следующий выход ваш, господин доктор. Вы запыхались, потому что долго бежали... Эх, да не всё ли равно!

Глазов. (*Вполголоса*). Катишь совсем забросила свой чепчик за мельницу. Даже удивляюсь. Хотя... Будь у меня её деньги, я бы тоже никого и ничего не стеснялся.

Лекарь. А вот вам пикового... (*Вполголоса*). Да все знают, что Екатерина Макаровна бегала к нему еще при жизни мужа-миллионщика.

Рабочий сцены. А вам и завидно, господин доктор? Эх, до чего же спеть хочется...

Пустышкин (*собирает карты и шлепает ими Рабочего сцены по голове*). Стой тихо, а то отправим веревки дергать.

Лекарь. А кому было бы не завидно, любезный Матвей? Не скрою, я очень люблю женское общество. Но я так долго пользовал Екатерину Макаровну, что не смог бы отнестись к ней романтически... А вот еще две семерки.

Какий Какоевич. Ох, мутно мне... Похоже, я слишком усердно приложился к полу во втором действии.

Фиолетов (*у кулисы*). «...пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!» Оно... Добчинский, вперед!

Лекарь (*встает со стула, подражает паровозу*). Фу-ты, фу-ты, фу-ты...

Продолжая держать в руке карты веером и фукая, Лекарь медленно бежит, высоко поднимая колени, через сцену, по дороге передает свои карты Фиолетову. Тот заглядывает в карты Череватенко и садится на стул Лекаря. Заводчик показывает ему кулак. Дальнейшие события на сцене (карточная игра, уход за кулисы Степки в рыжем парике, возвращение Лекаря, возвращение Степки) происходят беззвучно. Слышна только беседа в гримуборной.

М и р с к и й . Почему ты так задержалась, Катишь? Я надеялся, что мигом примчишься на мой страстный зов.

К а т и ш ь . Да? Ты угадал, однако меня пытались остановить. Представляешь, я уже выезжаю на Театральную площадь – ан нет, Аннозачатьевская перекрыта. Стоит перекинув извозчищья пролетка, возле неё квартальный, тот, с подусниками, от него почему-то всегда селедкой несет... (*Гнусаво передразнивает*). "Извините, мадам, въезд и выезд запрещены до особого распоряжения". Я, понятно, велела твоим кучеру и фореитору отогнать пролетку, а сама не стерпела – да за зонтик! Весь зонтик об квартального расколотила, в щепки, там же и бросила. Я проехала, конечно, но за мною никто не решился последовать.

М и р с к и й . Конечно, не мог я исключить чего-нибудь эдакого вот, однако подлец-городничий действует слишком нагло. А ведь вряд ли твой подвиг занял у тебя столько времени... Забыл спросить, а ты не боишься последствий?

К а т и ш ь . А... Сотенной больше, сотенной меньше... Кстати, Вольдемар, ты же в долгах, как в шелках. Откуда взял деньги на спектакль? Выписал труппу из Тулы, осветил да обогрел махину театра, да еще, говорят, у Филиппева откупил второй этаж для ужина с шампанским – это же давно не по твоим финансам, дорогой!

М и р с к и й (*легко*). А у Череватенки перехватил. Ты же мне перестала заниматься... Шучу, шучу... Если мы выиграем выборы, хитрый хохол свои деньги вернет – и с немалой прибылью. А нет... Распиской больше, распиской меньше... Ты же знаешь, как философически я отношусь к этим мелочам жизни. А где ты всё-таки застряла, Катишь? У кого-то тут же, на площади?

К а т и ш ь . Неужто ты ревнуешь, Вольдемар? Обрадовал, признаться... Выходит, дорогой, не всё ты наврал, когда клялся мне в вечной любви.

М и р с к и й (*элегически*). У тебя же, Катишь, на плечиках твоих голова, а не подставка для шляпки. Могла бы и сама сообразить, когда я правду говорил, а когда... Припомни, как я из тебя, женушки-резвухи толстого откупщика, воспитывал передовую русскую женщину. Разве не доказывал я на пальцах, что вечная любовь невозможна? И с какой тогда стати ты приняла всерьез мои позднейшие уверения в любви до гроба? Да мало ли чего мужчина в горячке сболтнет... Так где ты была?

К а т и ш ь . Господи, Вольдемар, да в партере же... Ты написал в записке, что буду играть Унтер-офицершу. Я, конечно, не ожидала, что меня так дико костюмируют и загримируют... Впрочем, это не важно. Главное, я решила, что сперва появлюсь в партере, сохраняя шикарную натуральность. Тем больше ошеломлю публику своим сценическим простонародным видом. Хотя теперь... Скажи, ты уверен ли, что меня вообще узнают?

М и р с к и й (*Не сразу*). Боюсь, что да.

К а т и ш ь . Вот как? И еще я хотела спросить. Смутно так припоминается мне, что эту мою Унтер-офицершу, страшную, как смертный грех, Городничий тем не менее обидел. Надеюсь, он не посягнул...

М и р с к и й . Она была ошибкою высечена на площади. Или на базаре.

К а т и ш ь . О таких вещах следует заранее предупреждать, Вольдемар! Я не уверена, что решусь обнажиться на сцене. Вот так сразу, без подготовки, во всяком случае... Надо было и о белье соответствующем позаботиться. Да и полиция, опять-таки... Хотя должна признать, что предчувствую восхитительные переживания. Тот приятный мужчина, что Городничего играет (Вельветов, что ли?), делает зверскую рожу и поднимает плетку над моей белоснежной, безупречно округлой и трогательно незащитной попкой. Весьма чувствительная и несколько даже... пожалуй, что и неприличная картина – ты не находишь? Ведь точь-в-точь, как на гравюре в твоей книжке маркиза де Сада.

М и р с к и й . Увы, ты всего только пожалуешься на свою обиду Хлестакову... тому пареньку, которого ты отловила в коридоре и привела на аркане за кулисы. (*Оживляется*). А как тебе спектакль? Ты ведь присидела в партере первое действие...

К а т и ш ь . Ожидала я, Вольдемар, что ты меня спросишь. Хотела ответить таким манером, чтобы не обидеть, да ладно уж... Гаже представления я в жизни своей не видала, зато публику вы отменно позабавили. И особенно – очаровашкой Держимордой, что без конца на всех натыкался и всем говорил "Mille pardon" понятно с каким произношением. Дам, тех интриговала его маска. Нинель Сапожкова (ты её знаешь, противный!) заявила, что это смелый намек: российские полицейские, дескать, столь отвратительны, что на их лица и посмотреть страшно. А вдруг на театр беременная дама забредет?

М и р с к и й . А как тебе мы со Степкой?

К а т и ш ь (*прыскает*). Извини, но твой Осип-аристократ просто нелеп. Смотрела я на тебя в этой мешковатой красной косоворотке, однако, как всегда, светского и надменного... Грешна, конечно, да подумала: ну до чего же в Вольдемаре всё-таки сквозит порода, эта противная польская порода!

М и р с к и й . Почему польская? Я русский царедворец, только отставной...

К а т и ш ь . И никакой ты не царедворец, а ссыльный.

М и р с к и й . Я вовсе не ссыльный. Никакого официального решения после моей последней шалости принято не было. Государь просто вызвал меня к себе и сказал: "Поезжай-ка в свое имение. Я пришлю за тобой, когда понадобится".

К а т и ш ь . Ты каждый раз по-новому рассказываешь об этой аудиенции.

М и р с к и й (*шепотом*). Он болеет, отец нашего отечества. Его безумная гордость не вынесла крымских поражений. Когда станется, как написал некогда Державин... "Умолк рев Норда сиповатый", ты понимаешь? Конец моей истории будет такой: "Я призову тебя, когда возьмусь за перемены". И не успеет, разумеется, призвать.

К а т и ш ь (*оживленно, громко*). Ты абсолютно прав, Вольдемар. И в самом деле, в городе поскучнело, когда 2-ой харьковский местный батальон промаршировал на войну. Однако же и ты огорчил дамское сообщество, перестав украшать рогами лбы местных помещиков, чтобы заняться политикой.

М и р с к и й . Тоже нашла мне политику... (*Помявшись*). Я тут замыслил притиснуть в уголке младшую из актрисок. Поможешь?

К а т и ш ь (*чересчур поспешно*). О чем речь? Конечно.

М и р с к и й . В антракте я просмотрел оставшийся кусок пьесы. Лучше всего приволокнуться в 5-ом явлении, минут через десять, когда мы со Степкой сходим на сцену и вернемся. Тебе нужно будет только отвести к кулисам старшую, толстуху, и занять её разговором. Сделаешь?

К а т и ш ь . Сколько раз тебе повторять... Вот только чем можно заболтать эту гусыню?

М и р с к и й . А я уже подслушал, чем. Впрочем, не нужно было и подслушивать, до того банальна материя. Заговори с нею о нарядах.

Ф и о л е т о в (*стучит в дверь гримуборной*). Осип! Владимир Ксавериевич! Давайте бегом на сцену, и без того безумно затягиваем.

Степка в рыжем парике несет чемодан с лопнувшими боками, перевязанный веревкой, М и р с к и й , важно, руки за спиной соединив, вышагивает за ним. Появляются Р о с а л ь с к а я и Р а с с в е т о в а . Осматриваются. Мужчины усердно режутся в дурака, никто не догадывается предложить дамам стулья. Кресло заняла К а т и ш ь . Р о с а л ь с к а я и Р а с с в е т о в а усаживаются в гримуборной.

Р о с а л ь с к а я . Не знаю, как тебя, Золя, однако меня сквозняки на сцене уже донимают. Отлично везде было протоплено, князь не пожалел дров, а вот теперь... Или попросить Пустю разыскать истопника?

Р а с с в е т о в а . Здание-то старое, маменька, казенное, неухоженное, вот и выдувает тепло в щели. Накиньте лучше сверху чего-нибудь. Тут где-то была мантилья. Вот, накиньте.

Росальская. Спасибо, милочка моя. А заметила, какой взгляд, проходя, бросил на меня князь? Мнится мне, всё же равнодушен к полненьким. И это после randevu с такой блестящей дамой!

Рассветова. Блестящей дамой, маменька? *(Хихикает. Шепотом)*. Да ведь вы одели её и загримировали похуже последней коровницы.

Рассветов *(бросает карты на спину Рабочей сцены, они падают на пол, потому что Рассветов вынужден был держать в руках чуть ли не всю колоду)*. Это же черт знает что такое!

Фиолетов. Плюнь и разотри! Хотя признаю, что восемь раз подряд остаться дураком – это достижение! Зато теперь тебе, Алексис, непременно повезет в... *(Оглядывается, проглатывает банальность, готовую было сорваться с языка)*. Господа, пора нам всем на сцену! *(Хлопает в ладоши)*. Я впереди! Нет, первым ты, Алексис! Тебя только что превосходно угостили, ты пьян и весел...

Рассветов. Если бы, Иван Семенович...

Фиолетов. Ты на театре служишь! И дрянь жалкая из тебя выйдет, а не хороший актер, если ты сейчас не выйдешь на сцену Хлестаковым. Ты сыт и пьян после голодухи, и нос в табаке! Я за тобой... Потом ты, Пустя. Тут вопросов нет. Тобой я надежен. Следом вы, ваше степенство, а замыкают Бобчинский и Добчинский. Эй вы, как вас там... Какой, ах! *(Как и Какоевич вытягивается во фрунт и тут же пошатывается)*.

Глазов. И я с вами, только сверну налево – и в буфет!

Актеры выстраиваются на сцене. Вдруг выходит из строя Череватенко, направляется к выходу. Ему навстречу бежит Рабочий сцены.

Рабочий сцены. Иван Семенович! Уже договорили! Так что идут...

Фиолетов. А вы куда намылились, ваше степенство?

Череватенко. Та на прогулянку, шановный. *(Останавливается, увидев выходящих из-за кулисы Мирского и Степку)*. Доктор, и вам советую тикать.

Лекарь. А я рискну, Максим Максимыч. Уж больно интересно.

Фиолетов. Алексис, выше плечи! Ребята, за мной! *(Уводит остальных)*.

Степка *(пятится затылком перед Мирским, громким шепотом)*. Нет уж, Владимир Ксавериевич, ошибиться мне никак невозможно. Всякий раз, как начинаете подпрыгивать походочкой, жди от вас шалости. И вам беда, и людям вашим! Вы ж сами давеча, эфто на диванчике когда, замечательно изложили, каково прекрасно было вашей дворне в Питере пребывать. Сошлют и отсюда, ухнем тогда в пучину окончательного невежества. Смилуйтесь, отец и благодетель наш! *(Падает на колени)*.

Мирский. Заткнись, осел! Не то добавлю горячих. *(Обходит Степку, натывается на Череватенко)*. Ага! Как я понимаю, бунт на корабле?

Череватенко. Угу. Надежду тилькы имею, что обийдётся без матросыкив, повишенных на реях. У мэнэ, господин Мирский, вот уже цилу годыну свербить пид правую лопаткою...

Мирский. Бунтарей-казначеев, кажется, там же вешают. Простите, я спешу.

Череватенко... а цэ вирна прыкмэта нэпрыятности. Тому и уходжу. *(С гримасой срывает с нижней части лица пластырь, прикрывающий бороду)*. Чому було не даты мэни ролю купца Абдулина, а ролю зрителя училищ, образованного человека, дворянына – бритому якому-нэбудь бездельнику? Навищо всэ перевертаты догоры ногамы? Позорыще тилькы... Господы, вэсь вэчир видчуваты жирну мазь на щоках! *(Достает из кармана огромный клетчатый платок)*.

Росальская *(подходит с наклея в протянутой руке)*. Не пачкай платка, почтенный, вот возьми лучше пакли. Бросай, дружок, прямо на пол, тут найдется, кому убрать. И скинь, будь добр, мундирный сюртучок, мне его еще в костюмерный сундук укладывать. Вот спасибо. Я и твою чуйку принесла. Славное сукнецо, аглицкое!

М и р с к и й (*подмигивает*). Катись! (*Направляется к гримуборной*).

Ч е р е в а т е н к о . Тоби спасибо, матушка, на добром слови. (*Уже переодетый, в спину Мирскому*). Зазырну до Филиппева у трактыр, распоряджусь, чтобы не ставылы жаркое на вогонь. Если ужин зирвэться, з ным, з Филиппевым, легче договорытыся будэ, ваше сиятельство.

М и р с к и й . Да как вам угодно! Ваши ведь деньги.

Ч е р е в а т е н к о . Мои?! От як ускочив, так ускочив. (*Уходит*).

К а т и ш ь (*берет за локоток Росальскую, разворачивая её в сторону левой кулисы*). Госпожа актриса! Увы, не знаю вашего имени-отчества, а на афише снег подтаял, и как раз размазалось на том месте, где "Анна Андреевна".

Р о с а л ь с к а я (*кладет сюртук на спинку кресла, слегка приседает*). К вашим услугам, госпожа Хоменкова. Моя театральная фамилия Росальская, зовут Светланой Марковной. Игрывала в свое время трагических героинь и на Москве, и в Нижнем Новгороде, и во многих прочих местах.

К а т и ш ь (*берет под руку, уводит к левой кулисе*). А меня все называют просто – Catieshe. Мне вас рекомендовали, Светлана Марковна, как даму, весьма компетентную в современной модной политике. Я вот получила свежий номерок "Магазина мод и рукоделий" – и в полнейшем недоумении! Пишут, что теперь в Париже носят...

Р о с а л ь с к а я . Вот, вот – и в этом вся загвоздка! Нам тут, на просторах Русиматушки, полезно, кто спорит, знать, что в этом сезоне носят в преславном городе Париже, а вот шить по парижским гравюрам – Господи упаси! Потому что будут на тебя смотреть, как на корову под седлом, пока парижская мода до нас не дойдет. А когда, наконец, дойдет – и наряд изнаосится.

К а т и ш ь . Как же быть, Светлана Марковна?

Р о с а л ь с к а я . К тому-то и веду, дорогуша...

М и р с к и й (*вталкивает Рассветову, высунувшую было нос из гримуборной, внутрь, запирается и заключает её в объятия*). Не могли бы вы, госпожа Рассветова, поправить мне грим? И зачем только я это сказал? Я ведь должен был это сказать, чтобы заманить вас в уборную... Ой!

Р а с с в е т о в а (*яростно сопротивляясь*). Я еще и закричу, если тотчас же не отпустите!

Р а с с в е т о в а . Противьтесь сколь вашей душеньке угодно, это только разогревает, а вот если и вправду закричите – тогда не заплачу вашему антрепренеру больше ни копейки, и баста. Что ж не кричите?

Р о с а л ь с к а я (*она у самой левой кулисы*). Нас, меня и Золю, зовут на сцену. Я побегу, а вы скажите, пожалуйста, Золе, чтобы шла. У неё реплика в середине явления, однако пусть лучше поторопится.

Р а с с в е т о в а . Какая низость с вашей стороны! (*Не очень громко*). Помогите!

С и о н с к и й , сидящий на полу под веревками, Р а б о ч и й с с е н ы , лежащий под декорациями, и П о ч т м е й с т е р , дремлющий на стуле, поднимают головы. К а т и ш ь , продвигаясь на цыпочках в сторону гримуборной и вслушиваясь, делает им запрещающий знак рукою.

М и р с к и й . И никакой низости, обычное желание получить хоть какое-нибудь удовольствие за свои деньги. Спектакль вышел никудышный, так хоть...

Р а б о ч и й с с е н ы (*презрительно*). Барские забавы.

С и о н с к и й снова опускает голову на грудь. П о ч т м е й с т е р решительно встает, переставляет свой стул таким образом, чтобы сесть спиной к гримуборной, и садится.

Р а с с в е т о в а . Мой муж вызовет вас на дуэль и убьет. Да уберите вы руки, наконец!

М и р с к и й (*бормочет*). Ваша угроза настолько глупа, что даже и не смешно... О господи, опять! (*Отпускает Р а с с в е т о в у*). Вот, убрал я руки! Небось, довольны теперь? (*Садится на скамью. Бормочет*). Опять фиаско. В губернию мне нельзя, придется довериться Лекарю, а он язык за зубами не очень-то держит, намекнул ведь на секрет Гранаткина. (*Скользит взглядом по Р а с с в е т о в о й*). А ты можешь идти, чего тебе тут еще ожидать...

Р а с с в е т о в а (*подбоченившись*). Что?!

М и р с к и й (*вбирает голову в плечи*). И в самом-то деле, о чем это я... Вы уж извините меня, госпожа... э-э-э... Закатова. Знаете, вечер актерского дебюта, волнение, неуспех спектакля, раздражение нерв...

Р а с с в е т о в а (*задыхается*). Вы смеете... смеете извиняться передо мною за то, что не сумели насильничать меня, как конюх дворовую девку за конюшней?

М и р с к и й . Зачем такие слова? Как демократ, я обязан выступить в защиту интимных чувствований крепостных людей. А если честно: времени в обрез, явление короткое. И как же не извиниться, когда, как передовой и порядочный мужчина, обязан был предоставить вам равное удовольствие?

Р а с с в е т о в а . Какой ужас!

М и р с к и й . И вообще, чего вы еще ожидали, оказавшись в бродячей, нищей труппе? Мне много раз приходилось слышать от офицеров, при этом даже и пехотных, об их, так сказать, победах, одержанных над актрисками вашего пошиба.

Р а с с в е т о в а . Так знайте же, что я дочь почтенного чиновника, личного дворянина, пошла в театр вовсе не для того, чтобы ко мне приставали пьяные офицеры или потасканные благодетели вроде вас! И не моя вина, что труппа, из которой нам с мужем некуда пока деться, потеряла антрепризу в Туле.

М и р с к и й . А ведь вы очаровательно выглядите в гневе... Раскраснелись, глазки горят, ротик прелестно приоткрыт. Прямо как в романсе талантливого, но беспутного Глинки. (*Шевелит пальцами, будто аккомпанирует себе на пианино, поет*).

Когда откроешь свои мне губки

И заворкуешь нежней голубки...

А знаете... Я, пожалуй, действительно, поторопился извиняться... (*Встает, тянется к ней*).

Р а с с в е т о в а с визгом выскакивает из гримуборной. Натывается на подслушивавшую К а т и ш ь .

К а т и ш ь (*отступает*). Вас... дочку городничего... требуют на сцену...

Р а с с в е т о в а (*отвешивает ей пощечину*). Вот тебе, облезлая сводница!

Р а с с в е т о в а , на ходу поправляя костюм и проверяя грим, бежит на сцену.

М и р с к и й , пытаясь держаться непринужденно, появляется из гримуборной – и тут же получает пощечину от К а т и ш ь .

М и р с к и й . Больно! (*Хватается за щеку и изумленно смотрит на ладонь, запачканную гримом*).

К а т и ш ь . И этим идиотом я имела глупость увлечься! (*В сторону*). И почему это обязательно «облезлая»?

М и р с к и й . Путь волокиты усеян терниями.

Р а б о ч и й с с ц е н ы (*открыв один глаз и решив, что Мирский обращается к нему*). Знамо дело, господин хороший. Приударись таким вот манером за горничной, а на тебя цепных кобелей спустят.

М и р с к и й безмолвно поворачивается к Р а б о ч е м у с ц е н ы спиной и возводит очи горе.

К а т и ш ь . Вольдемар, сигару!

М и р с к и й . Степка, оглох? И огоньку подай Екатерине Макаровне.

К а т и ш ь . Вольдемар, ножичек!

М и р с к и й . Степка, ножичек!

С т е п к а разводит руками, а вслед за ним и М и р с к и й . К а т и ш ь злобно откусывает кончик сигары и выплевывает его, стараясь попасть в спину П о ч т м е й с т е р у . С т е п к а отбегает к кулисам, там взрывается серная спичка, от нее он зажигает длинную полоску бумаги. К а т и ш ь прикуривает и, с сигарой в зубах, широкими мужскими шагами направляется к П о ч т м е й с т е р у , который спиной к ней увлеченно читает какой-то листочек. К а т и ш ь с грохотом разворачивает ближайший стул и усаживается лицом к лицу с П о ч т м е й с т е р о м . Выдыхает на него клуб дыма. Тот вздрагивает.

К а т и ш ь . Скажи, а хоть на тебе-то мундир – настоящий?

П о ч т м е й с т е р . Конечно, Екатерина Макаровна. Мы ведь с вами знакомы. *(Привстает)*. Я староводский почтмейстер коллежский регистратор Николай Николаевич Меньшов.

К а т и ш ь . Скажи тогда, почему письмо от моей воспитанницы, посланное из Петербурга в первых числах сентября прошлого года, принесено мне на двор только позавчера?

П о ч т м е й с т е р . Так ведь столица в двух тысячах верст от нашего Староводска, Екатерина Макаровна. Бывает, что ящик мешок с почтой повезёт не в ту сторону.

К а т и ш ь . Скажи тогда, почему письмо от моей воспитанницы было дважды заклеено, а её печать сломана?

П о ч т м е й с т е р . Так ведь ваша воспитанница мадмуазель Полина его писала после, как его..., дебюта на Мариинском театре. Впервые танцевала в кордебалете, переживала, волновалась, вот и... того...

К а т и ш ь *(переглянувшись с М и р с к и м , вставшим за спиной П о ч т м е й с т е р а)*. Значит, ты вскрыл письмо моей воспитанницы?

М и р с к и й *(льстиво)*. Никакой иной вывод не возможен, Катишь.

П о ч т м е й с т е р *(пытается встать, М и р с к и й удерживает его за плечи)*. Не имею права отвечать на такие вопросы, Екатерина Макаровна.

К а т и ш ь . Скажи тогда, почему не имеешь права?

П о ч т м е й с т е р *(важно)*. Государственная тайна.

М и р с к и й . Секрет Полишинеля, дорогая Катишь! Давай я тебе растолкую. Идет война, а потому втихую перлюстрируется...

П о ч т м е й с т е р *(важно)*. Перелюстрируется, а не «перлюстрируется». То есть с латыни оно будет "перепросмотр".

М и р с к и й . Хорош латинист! Перлюстрируется, говорю, переписка всех иностранцев, живущих в уезде, а также российских подданных, неблагонадежных в политическом отношении. Ты женщина прогрессивная, а главное, моя приятельница, так что извини... Я только думал, что мои письма "голубой" в Харькове читает, а не этот вот елистратишка, вошь в мундире.

К а т и ш ь . Покорно благодарю, Вольдемар. Но откуда в нашем уезде взяться иностранцам?

М и р с к и й . Ты забыла, дорогая, про целую россыпь гувернеров по деревням, да и в самом Староводске.

К а т и ш ь . Господи, да какие же с них шпионы?

М и р с к и й . Это ты меня спрашиваешь? А я удивляюсь, как это с началом войны все наши французы да англичане не отправились в Сибирь.

П о ч т м е й с т е р *(важно)*. И я удивляюсь. А вот за "вошь в мундире" можно и ответить.

М и р с к и й *(весело)*. Это если мундир настоящий. Но если вы играете Почтмейстера в "Ревизоре", на вас и мундир всё едино что бутафорский.

П о ч т м е й с т е р *(жалобно)*. Госпожа Хоменкова, господин Мирский! За что вы на меня взъелись? За что без конца шпыняете? Уж ежели мне так и так, по службе, пришлось распечатать ваше письмо, Екатерина Макаровна, то не грех было мне от него и самому развлечение получить. После того как оно, в особливой бандероли, вернулось ко мне из Харькова... *(зажимает себе рот рукой)*.

М и р с к и й . Ага. Проговорились, что переправили распечатанное вами письмо "голубому" в Харьков? Не догадываешься, почему, Катишь?

К а т и ш ь . Наверное, из-за того места, где высокая особа при посещении балетного училища особенно посмотрела на ученицу, на некую Амосову-1-ую...

П о ч т м е й с т е р кивает и показывает глазами наверх. Р а б о ч и й с с е н ы начинает громко, демонстративно храпеть. С и о н с к и й снова опускает голову на грудь.

М и р с к и й *(весело)*. Такое случается...

П о ч т м е й с т е р . У вашей воспитанницы, Екатерина Макаровна, замечательный слог, и столь живо она описывает завлекательные поступки в балетном училище, что мне страсть как захотелось переписать для себя выбранные места. А на службе суета, дел выше головы. Вот и получалось у меня переписывать урывками по воскресеньям да по праздникам... *(Потупясь)*. Ох, до чего бы мне хотелось в Петербурге побывать да поглядеть самому на те голые плечики, короткие юбочки, а под ними на розовые ноги.

К а т и ш ь *(встает, отходит)*. Однако вы, господа, достойны друг друга.

Из-за левой кулисы вываливаются в обнимку Ф и о л е т о в и Р а с с в е т о в .

Ф и о л е т о в *(покровительственно)*. Ничего, Алексис, молодцом. Сначала немного куksился, а потом разыгрался, особенно когда мать твоя выплыла на сцену.

Р а с с в е т о в . Мало того, что восьмижды дурак, не хотелось еще и на сцене опозориться перед маменькой. Это же надо – "Лабардан! Лабардан!". Глупая всё-таки пьеска.

Ф и о л е т о в . Молод ты судить о таких вещах, Алексис. Лабардан – это та же треска, но посланная в бочках без головы и хребта. Простая еда, а Хлестаков, голодный, наелся ею, натрескался, и ему показалась она чем-то особенным. Разве не смешно?

У левой кулисы показываются за руку Л е к а р ь с К а к и е м К а к о е в и ч е м . Не влад подпрыгивают, пытаясь высоко задирать ноги. Появляется П у с т ы ш к и н .

Р о с а л ь с к а я *(выглядывает из-за левой кулисы, по-театральному громко)*. Антон Антонович, куда ты запропастился? *(Ф и о л е т о в уходит)*.

Р а с с в е т о в . Хотя я Ивана Семеновича глубоко уважаю, однако тут я с ним не согласен. Пьеску перехвалили. Право же, похождение проезжего вертопраха вовсе невероятное, да еще и переполнено противными житейскими мелочами: тот же лабардан, габерсуп, колпаки на головах больных, солдаты без штанов, черная крыса – тьфу! Театр должен предоставить зрителю действие волшебное, уносящее в иную, красивую жизнь.

М и р с к и й *(покровительственно)*. Ваши эстетические принципы устарели, молодой человек. Вот вы сегодня несколько раз цитировали "Горе от ума", значит, любите эту комедию. А ведь она тоже о мелочах жизни.

Р а с с в е т о в . Зато о них стихами излагается, ваше сиятельство. (*Робко*). А что такое эстетические принципы, если вам не трудно пояснить?

М и р с к и й . Ну, это, например, ваши взгляды на театр, на прекрасное в нем... (*Видно, что ему наскучил разговор. Поворачивается к К а т и ш ь*). Поплетусь поближе к кулисам, дорогая. Сейчас мой выход.

К а т и ш ь . Где же это вы учились, юноша, если остались в счастливом неведении насчет эстетических принципов?

Р а с с в е т о в (*несколько отодвигаясь, с опаской*). Да я, матушка, нигде не учился. У меня, все говорят, природный талант.

П у с т ы ш к и н . Там Осипа зовут, ваше сиятельство. (*М и р с к и й поправляет очки на носу и выходит*).

К а т и ш ь . Гм... Если я назвала вас юношей, это еще не повод именовать меня "матушкой". Или вы оговорились потому, что мы в гриме? Я немногим, собственно, старше вас.

Р а с с в е т о в . Простите, бога ради... Мысль же моя была такова: вы богачка, следственно благодетельница, следственно мать для бедных.

К а т и ш ь . Извинение принимается. Насчет благо-детель-ство-вания (ух!) не отказываю. Однако как это возможно для мужчины нигде не учиться? Объяснитесь.

Р а с с в е т о в . Маменька не отдавала меня в школу, так уж вышло. И бродячая жизнь, знаете, и я ревмя ревел, когда меня пытались отодрать от её подола. Грамоте и письму научил меня маменькин приятель (не Иван Семенович, другой еще), а после я за кулисами сам учился. И теперь чуть ли не весь драматический репертуар наизусть помню – от "Сына любви" и до "Суд людской – не Божий". Книжки бы читал, да только где их раздобыть? Вон у господина Глазова, что Тяпкина-Ляпкина пыжится играть, библиотека вроде и бесплатная, а залог требуют. А мы, после того как в Туле антрепризы лишились, с хлеба на квас перебиваемся... Ах! (*Закрывает себе рот рукою*).

К а т и ш ь . Да ваши секреты известны всему городу. (*Усмехается*). Сам-то, небось, тоже сын любви?

Р а с с в е т о в (*неохотно*). Отца не знаю. Мать говорит, что был актер из мещан.

К а т и ш ь (*тянет его за рукав*). Придется мне заняться твоим образованием. (*Затаскивает в гримуборную. Решительно задергивает занавески*).

Возвращаются Р о с а л ь с к а я и Р а с с в е т о в а . Почти тотчас же за ними М и р с к и й . Ищет глазами кого-то, не находит, пожимает плечами. К нему подходит Л е к а р ь . Видно, что хочет заговорить, но не решается. Из-за левой кулисы появляется Ф и о л е т о в . Подходит на цыпочках к С и о н с к о м у , будит его.

Ф и о л е т о в . Занавес, быстро! (*С и о н с к и й вскакивает на ноги и начинает дергать за все веревки подряд, наконец, попадает на нужную. Ф и о л е т о в подходит к М и р с к о м у*). Ну и дела! Квартальных нет, пришлось говорить в дверь, будто они там. Осточертел мне этот балаган. Я с вашего дозволения решил сократить антракт до нескольких минут, а из четвертого действия выбросить явление с Хлоповым (всё равно заводчик сбежал) и заодно с купцами. Зато Слесарша и Унтер-офицерша должны прозвучать на ять! (*Оглядывается, пинает ногою Р а б о ч е г о с ц е н ы*). Кончай придуриваться, Сидорыч. Вели Матюшке прийти с книжкой сюда, а потом сгоняй в буфет за баринком, что Тяпкина-Ляпкина играет. (*Р а б о ч и й с ц е н ы не реагирует, Ф и о л е т о в снова пинает его ногою, уже сильнее*). Ну и пошел к черту!

М и р с к и й (*не оборачиваясь, он наблюдает за гримуборной*). Степка!

С т е п к а . Здесь я.

М и р с к и й . Слыхал, что сделать нужно?

С т е п к а . А как же.

М и р с к и й . Давай. Одна нога здесь, другая там. И не вздумай допивать из стакана за Глазовым. (*С т е п к а убегает*).

Ф и о л е т о в . Звонарь, бей первый звонок! (*С и о н с к и й выполняет распоряжение. Появляется Суфлер с "Ревизором"*). Ты вот что, Матюшка, потрудись, пожалуй, прогони пока с Унтер-офицершей её роль. Где же, однако, госпожа Хоменкова?

С у ф л е р (*ворчит*). Нет, чтобы передохнуть хотя в антракте. Неужели трудно было роли переписать, заказав какой-нибудь канцелярской крысе? Кажется, одиннадцатое явление... (*Лизнул палец и принялся перелистывать пьесу*).

М и р с к и й (*вздыхнув, стучит в дверь гримуборной*). Катишь, тебя на выход!

К а т и ш ь (*высовывает голову наружу. Платок на её голове сбился, прическа растрепана*). Уже? Представь, Вольдемар, малый даже целоваться не умеет. Умора! О прочем я тебе потом расскажу...

Г о л о с Р а с с в е т о в а (*полузадушено*). Маменька! Спасай!

Р а с с в е т о в а . Ой!

Р о с а л ь с к а я . Умри, несчастная! (*Засучивает рукава*).

К а т и ш ь (*после паузы*). Да что это с ними, господа? Я хотела сказать, что их драгоценный Алексис не сумел мне руку поцеловать, когда я пообещала заплатить за него залог в библиотеку и подарить "Путешествие скифа Анахарсиса в Грецию" в семи томах.

Ф и о л е т о в (*крестится*). Разобрались, слава Богу... Второй звонок!

К а т и ш ь выталкивает из гримуборной растерзанного Р а с с в е т о в а и втягивает внутрь С у ф л е р а . Раздергивает занавески.

Р а с с в е т о в . Маменька! (*Затиhaет на груди Р о с а л ь с к о й*).

С у ф л е р (*дышит в сторону*). Так что, госпожа унтер-офицерша, читайте свои реплики, а я буду подсказывать, какие на сцене вам надлежит исполнять поступки.

К а т и ш ь . Отсюда, что ли? (*Показывает пальцем*).

С у ф л е р . Да вот же, мадам, напечатано. Это еще за сценой, из-за кулисы. Сперва Пустышкин свое скажет, а потом вы. Читайте же.

К а т и ш ь . "Повели, государь, выслушать".

С у ф л е р . Сойдет. Только громче, протяжно и жалобно. Дальше точно в таком же порядке, после Пустышкина, но уже на сцене. Смотрите на Хлестакова, будто глазками съест его желаете.

К а т и ш ь (*усмехается*). "На городничего, батюшка, пришла".

С у ф л е р . Тут низко кланяйтесь и ручкою вот эдак. Через реплику Хлестакова читайте теперь.

К а т и ш ь . "Высек, батюшка". Что за овца, право!

Ф и о л е т о в . Господин учитель, бейте три раза! А ты, Матюшка, марш в будку!

С у ф л е р . Так не закончили же, Иван.

Ф и о л е т о в . Я сам с мадам Хоменковой порепетирую. Марш-марш!

С у ф л е р (*блеет*). Фигаро здесь, Фигаро там. Фигаро! Фф-фи-га-ро...

Ф и о л е т о в (*любезно*). Госпожа Хоменкова, это же моя обязанность, некоторым образом и режиссера. У меня тут нарочито переписана ваша роль. (*Достает из внутреннего кармана мундира лист бумаги, свернутый в трубочку и перевязанный розовой ленточкой с бантиком*). В высшей степени разборчиво... Вы пока прочтите, а потом подходите к левой кулисе, мне там необходимо будет находиться, чтобы отправлять актеров. И чтобы не забыть. Перед самым выходом прошу вас снова завязать платок, только ни в коем случае не причесываться – сейчас у вас волосы лежат весьма живописно.

К а т и ш ь (*развязывает ленточку, разворачивает лист, читает. Вдогонку Ф и о л е т о в у*). Скажите, зачем вы дописали мою роль? Вот здесь, сверху: "Шалунье моей ненаглядной Полиночке в её маленькие ручки".

Ф и о л е т о в (б е г о м в о з в р а щ а е т с я , з а б и р а е т у К а т и ш ь л и с т о к , о т р ы в а е т п о л о с к у с в е р х у , к о м к а е т и с у е т в к а р м а н . Б о р м о ч е т) . Т и ш е , р а д и б о г а ! О ш и б к а , н е т , ш а л о с т ь п е р а п е р е п и с ч и к а – и н и ч е г о б о л ь ш е . Т а к в ы п о д х о д и т е , м а д а м . (Г р о м к о) . В н и м а н и е , г о с п о д а ! Т я п к и н - Л я п к и н , З е м л я н и к а , П о ч т м е й с т е р , Х л о п о в . . . П а р д о н ь т е , г о с п о д а , о т к у д а у н а с т е п е р ь в з я т ь с я Х л о п о в у ? Б о б ч и н с к и й и Д о б ч и н с к и й – с т а н ь т е в о з н а ч е н н о м п о р я д к е у л е в о й к у л и с ы .

М и р с к и й . В е с е л е е , г о с п о д а ! Р а н ь ш е н а с ц е н е п о к о н ч и м , р а н ь ш е п о й д е м н а у ж и н .

Ф и о л е т о в (п о д б о ч е н и в а е т с я) . А п о д а т ь с ю д а Т я п к и н а - Л я п к и н а !

С т е п к а (п р и в о л о к н а с е б е Г л а з о в а , п о с т а в и л н а п о л и о т п у с т и л) . А в о т т е б е , д я д ь о ш к а , и Л я п к и н - Т я п к и н !

Ф и о л е т о в (п о в о д и в у Г л а з о в а п е р е д н о с о м п а л ь ц е м) . Э й ! В ы к т о , м е с ь е ?

Г л а з о в (с т о и т , р а с п у с т и в г у б ы , и с и н т е р е с о м о с м а т р и в а е т с я) . Я ? Д а я , р а з у м е е т с я – к т о ж е щ е ? (К о с и т с я н а с в о й р у к а в) . М е н я в е р н у л и в г в а р д и ю , н о в н е п о н я т н ы й п о л к . Т о - т о м н е в с ь р а з в о д ы с н и л и с ь . . . (М о р щ и т с я) . Н е т ! В с п о м н и л ! Я п р е с е д а т е л ь с у д е б н о й п а л а т ы ! М н е п о д л е ц М и р с к и й п о о б е щ а л . . . И н е о б м а н у л , и ш ь т ы . . . Я б - б - б . . . Н е т , я в з - з - з . . . В с п о м н и л ! Я б - б - о р з - з - з ы м и щ е н к а м и з а к у с ы в а ю .

Ф и о л е т о в . Ч т о ж , р о л ь в о б щ е м и ц е л о м п о м н и т . П р и м и е г о , П у с т ы ш к и н , Г л а з о в , П о ч т м е й с т е р , Л е к а р ь , К а к и й К а к о е в и ч у х о д я т) .

М и р с к и й . Н е у ж е л и в б у ф е т е н е о с т а л о с ь н и к а к и х з а к у с о к ?

С т е п к а . П о л к и п у с т ы е , к а к ш а р о м п о к а т и .

Ф и о л е т о в . А м о ч е н ы е я б л о к и ?

С т е п к а . Д а в н о н а р о д р а з о б р а л . Б у ф е т ч и к г о в о р и т , ч т о с п р а ш и в а л и и т у х л ы е я й ц а . О б и ж а л с я м у ж и к .

Ф и о л е т о в . И в о в с е н е о б я з а т е л ь н о н а м в ы х о д и т ь п о с л е " Н е м о й с ц е н ы " , е с л и в ы з ы в а т ь н е с т а н у т . (И с ч е з а е т н е н а д о л г о з а л е в о й к у л и с о й) . Г о т о в ы , н а к о н е ц . . . З а н а в е с ! (И з д а л е к а л е г к о к л а н я е т с я К а т и ш ь , ж е с т о м п о д з ы в а е т е ё к с е б е) .

С и о н с к и й т я н е т з а в е р е в к у . П о т о м с н и м а е т ф у р а ж к у , р а с т е г и в а е т и с т я г и в а е т м у н д и р , в ы п о л з а е т и з ф о р м е н н ы х п а н т а л о н . О с т а е т с я в к р а х м а л ь н о й р у б а ш к е , к а л ь с о н а х и с а п о г а х . О г л я д ы в а е т с я . О д н а к о н а е г о п о с т у п о к н и к т о н е о б р а щ а е т в н и м а н и я : М и р с к и й з а д у м а л с я , с и д я в к р е с л е , Ф и о л е т о в у в л е ч е н н о р е п е т и р у е т с К а т и ш ь , Р а с с в е т о в п о - п р е ж н е м у д е р ж и т г о л о в у у м а т е р и н а г р у д и , Р а с с в е т о в а н е о т - р ы в н о с м о т р и т н а н и х . С т е п к а с и д и т н а к о р т о ч к а х , г о л о в у с в е с и в , п о д л е л е ж а щ е г о Р а б о ч е г о с ц е н ы .

Р о с а л ь с к а я . П о й д е м , с ы н о к , н а м н а д о п о г о в о р и т ь б е з п о с т о р о н н ы х у ш е й . (Р а с с в е т о в о й , п о р ы в а ю щ е й с я з а н и м и) . О с т а в ь н а с , З о л я . Б о ю с ь , д о р о г у ш а , т у т н е б е з т в о е й в и н ы .

Р о с а л ь с к а я и Р а с с в е т о в з а х о д я т в г р и м у б о р н у ю , д в е р ь о с т а в л я ю т п о л у о т к р ы т о й . Р а с с в е т о в а з а к р ы в а е т л и ц о р у к а м и .

С и о н с к и й . Г о с п о д и н М и р с к и й , В л а д и м и р К с а в е р и е в и ч ! Н е с к а ж е т е л и , к о т о р ы й ч а с ?

М и р с к и й (д о с т а е т с в о и ч а с ы , щ е л к а е т к р ы ш к о й , н е г л я д я н а у ч и т е л я) . Ч е т - в е р ь д е с я т о г о .

С и о н с к и й . П о р а у ж е и т е т р а д я м и з а н я т ь с я . С л у ж и л я н ы н ч е к в а р т а л ь н ы м , т р у д и л с я т е а т р а л ь н ы м м а ш и н и с т о м , а в о т в а р е с т а н т ы о т ч е г о - т о м н е н е х о ч е т с я . Т о л с т у х и Р о с а л ь с к о й н и г д е н е в и д н о , и к о с т ю м е р н а я , к о н е ч н о ж е , з а п е р т а . (О б х в а т ы в а е т с е б я р у -

ками, переминается с ноги на ногу). Ничего, добегу домой, не зачоченею. (*Уходит незаметно*).

Р а с с в е т о в . Маменька, ну что сегодня за вечер несчастный! Восемь дураков подряд, ты представляешь? И этот противный меценат посмел тебя ущипнуть! Закончится спектакль, он выплатит остаток Ивану Семеновичу, и вот тогда я его вызову на дуэль. Стреляться через платок! Бог на стороне правого, на моей, а всё одно, маменька, боязно мне что-то.

Р о с а л ь с к а я . Забудь о дуэли, дружок, успокойся. Какая еще между вами дуэль? Ты же не дворянин. Да и Мирскому нельзя, он ведь ссыльный. Пошлет своих слуг с палками, прибьют они тебя – вот и вся тебе дуэль.

Р а с с в е т о в (*оглядывается через дверь на Степку*). Да уж... А как же тогда твоя обида, маменька?

Р о с а л ь с к а я . Мы теперь маленькие люди – нам обижаться не положено. Нам положено проглотить обиду, да и молчать себе в тряпочку, да постараться помаленьку поправиться и самим в обидчики выйти. Тебе надо успокоиться, сыночек, и молодцом доиграть спектакль.

Р а с с в е т о в . А подружка его, маменька, эта Катись – она ведь еще хуже его! Бесстыжая, как... Уж и не знаю, с чем и сравнить... Стыдно и пожаловаться, маменька. Еле вырвался! (*Снова прячет лицо на груди матери*).

Р о с а л ь с к а я . Вот это-то меня и озаботило, сыночек. Ты у меня красавчик, не удивительно, что женщинам нравишься. Давеча попал ты на развратницу, которая ни в чем себе не отказывает, на казака в юбке – и в панике спрятался к матери под подол. Мужчины, дружочек мой, так не поступают.

Р а с с в е т о в . А как поступают мужчины?

Р о с а л ь с к а я (*улыбается*). Ну, это уже другое дело, как в таких случаях мужчины поступают. Одно скажу, что не так, как ты сегодня. А ведь ты у меня уже взрослый мужчина, полгода как женатый. (*Решается*). Расскажи мне, чем ты по ночам занимаешься со своею Золей?

Р а с с в е т о в (*безоблачно*). Да спим, конечно.

Р о с а л ь с к а я . А перед тем, как заснете?

Р а с с в е т о в . Разговариваем.

Р о с а л ь с к а я . И не целуетесь?

Р а с с в е т о в . Почему же? Иногда она меня поцелует в щечку перед сном, иногда я Золю чмокну. А без толку – зачем целоваться? Это перед женитьбой целуются, и на сцене всегда после объяснения в любви. А после свадьбы уже не нужно. Где, в какой пьесе ты видела, чтобы муж и жена целовались?

Р о с а л ь с к а я (*еле удерживается от смеха*). А и правда. Я еще после вашей первой ночи кое-что заметила, да только неверно, выходит, себе изъяснила. Приписала твоей Золе несуществующие грешки. Ну да ладно.

Р а с с в е т о в . Ах, маменька, я вспоминаю то упоительное время, когда мы с вами еще спали в одной постели. Как было тепло, уютно, как сладко пахло от вас! А как страдал я, когда вас обижали эти ваши приятели! Как хотел защитить вас, стать вашим поручиком Любимовым, вашим Карлом Моором! И этот Иван Семенович, которого вы так любили, маменька, он ведь бежит за Полинкой! Он бросит вас, маменька. А казался хорошим человеком.

Р о с а л ь с к а я . А он и есть хороший человек. Я уж пересердилась на Ваню, хотя он ужасно меня боится. Седина в бороду, бес в ребро – слышал? Да еще я полновата, а Полинка худа, как щепка, вот ему и захотелось новенького. Тебе пора уже становиться взрослой женщиной, поэтому я и хотела кое о чем тебе рассказать.

Р а с с в е т о в . Маменька, а можно, пока будете рассказывать, я сососу вашу грудь? Помните? Я уж большим был, играл на улице с мальчишками, обидят они меня, задразнят, я и прибегу к вам, заплаканный. Попрошу вас грудь сососать, а вы мне погро-

зите пальчиком, да и дадите, в конце концов. Такой тяжелый вечер сегодня, дайте мне в последний раз свою грудь, маменька, в самый из последних распоследний!

Снаружи все давно собрались у двери в гримбурную и подслушивают, а первая Катись, при этом Степка устроился на полу. Только Рассветова стоит на том месте, где её остановила Росальская.

Фиолетов (*мечется у левой кулисы*). Куда это Хлестаков запропастился? Зову, зову... Там уже Пустя, спасая положение, рассказывает анекдоты.

Мирский. Тсс... А вы пойдите, помогите Пустышкину. Я сам пришлю вашего пасынка.

Внутри Рассветов успел уговорить свою мать.

Росальская. Странные я, однако, испытываю ощущения... Ты поостерегись, сыночек, чтобы нас не увидели, а то задразнят тебя еще похуже, чем в детстве. Скажут, что между нами любовь, которую законы осуждают, и придется тебе вешаться, а мне топиться. Однако в той песне дочь слюбилась с отцом, кажется... А если кроме шуток, то хотела я тебе рассказать вот о чем. Помнишь, хотели тебя, еще до женитьбы твоей, в ополчение забирать? Ты ведь у меня по паспорту мещанин города Ичня Черниговской губернии. А знаешь ли, почему не забрали? Потому что Иван Семенович, не желая видеть моих слез, поехал на деревню и купил у помещицы крепостного. Пожилого мужика вырвали из семьи его, заковали в кандалы, напоили до беспамятства и привезли на прием, как добровольно идущего вместо тебя. Еще взятки чиновникам и доктору, и засунуть мужику за пазуху двадцать пять рублей да вольную от помещицы. Каково было всё это проделывать Ивану Семеновичу с его золотым сердцем! А цены на людей, конечно же, сразу подскочили. Вот и пришлось, тебя спасая, Ивану Семеновичу уступить антрепризу в Туле за те деньги, что давали, и распродать многое из пожитков и реквизита.

Снаружи слушатели расходятся.

Степка. Жаль, теперь пошло уже и не смешное.

Мирский. Хлестаков, на сцену! Рассветов!

Рассветов. Ну, маменька, вы будто страшный сон рассказали. (*Пересекает сцену и на пути от гримбурной до левой кулисы перевоплощается в Хлестакова*).

Компания актеров вываливается из-за левой кулисы. Потом Пустышкин и Почтмейстер под руки встаскивают Глазова на сцену. Пауза. Те же притаскивают Глазова обратно. Почтмейстер возвращается на сцену.

Фиолетов. Так ничего и не сказал?

Катись. Мужчины вообще пить не умеют, только пыжатыся.

Пустышкин. Совсем бедолагу развезло.

Мирский. Эффектный прием. Судья от испуга и рта не сумел раскрыть... А что это у него на ухе повисло?

Пустышкин. Да моченым яблоком угодили... Он-то увернуться не способен.

Мирский. Забираю назад сказанное об эффектном приеме. Как только чиновники вручат Хлестакову взятки, начинайте сокращать, Иван Семенович, где только сможете.

Фиолетов. Легко сказать.

Мирский. Да нам и финальная, как её, "мертвая сцена"...

Фиолетов. «Немая сцена», Владимир Ксавериевич.

М и р с к и й . Пусть "немая", но нам она тоже не очень нужна. Подумаешь, жан-дарм да чиновник из Петербурга – тоже мне *deus ex machina*. У нас другая цель – чтобы нам самим, передовым людям уезда, одолеть нашего староводского (*понижает голос*) орангутанга в ботфортах.

Л е к а р ь (*подходит сзади*). Абсолютно согласен с вами, Владимир Ксавериевич, вот только не уверен, что удастся справиться. Городничий и его приспешники в делах и делишках своих собаку съели, а вы, передовые люди, как бы не оказались в склоке с ними такими же любителями, как на сцене.

П о ч т м е й с т е р выходит из-за кулисы, на сцену устремляется П у с т ы ш к и н .

М и р с к и й . (*Обводит рассеянным взглядом закулись*). О! Вы посмотрите, учитель испарился! Иван Семенович, вы тоже поглядите!

Ф и о л е т о в . Я уже ничему не удивляюсь, господа. Испарился так испарился. Опять некому занавес опускать – вот что досадно! Вы, доктор, чем останки учителя Дер-жиморды изучать, лучше бы начали потихоньку Бобчинского извлекать из объятий Мор-фея – ваш с ним выход следующий!

Л е к а р ь . Успеется. (*Одалживает у заинтересованной Р о с а л ь с к о й зон-тик и начинает им ворошить оставленные вещи*). Если бы наш учитель испарился по не-известной науке физической причине, то здесь остались бы сапоги и нижнее белье. Сапоги – это вообще последнее, что в таких случаях остается от человека. Когда в прошлом лете под Мизюковкой убило молнией глупую бабу (додумалась идти в грозу через поле), на том месте только и нашли, что обугленные подошвы сапог.

Из-за кулисы появляется П у с т ы ш к и н .

К а т и ш ь . А была бы в лаптях, и того бы не осталось.

М и р с к и й (*желчно*). Испарился, испарился... Сбежал господин учитель. Ну и скатертью дорожка! (*Хлопает себя по лбу*). Господин доктор!

Ф и о л е т о в . Бобчинский и Добчинский! Ваш выход, толстячки!

Л е к а р ь . На себя бы посмотрели... Извините, Владимир Ксавериевич, бегу! (*Вприпрыжку движется к левой кулисе, за собою тащит кренящегося на бок К а к и я К а к о е в и ч а*).

П у с т ы ш к и н (Р о с а л ь с к о й). Светлана Марковна, несравненная! Срочно произведите из меня Слесаршу, Христом-Богом молю!

Ф и о л е т о в . Да, и поскорее, розанчик, очень нужно. Купцов мы сократили, хоть на бабищах отыграемся.

Р о с а л ь с к а я уводит П у с т ы ш к и н а в костюмерную. М и р с к и й становится ря-дом с Р а с с в е т о в о й .

М и р с к и й . Я вас приглашаю, госпожа Закатова, на интимный ужин в мое го-родское поместье. Часу в четвертом пополудни (надо же мне выспаться после банкета) пришлю за вами карету. Там и получите остаток вознаграждения, договоренного с вашим тестем.

Р а с с в е т о в а . До этого я жалела вас, господин Мирский, а вот теперь обяза-тельно пожалуюсь мужу.

М и р с к и й . Уж лучше посоветуйтесь с господином Фиолетовым.

Р а с с в е т о в а . Почему мне всё кажется, что мы с вами на сцене, что говорим и действуем понарошку?

М и р с к и й . Потому что вы изрекаете банальности. Впрочем, я сейчас рассмот-рел, что шейка у вас весьма недурна.

Из костюмерной выбегает Р о с а л ь с к а я с листком бумаги, помятым гусиным пером и чернильницею. Сует всё это М и р с к о м у .

М и р с к и й (*отшатывается*). Что такое?

Р о с а л ь с к а я . Вас сейчас мой Алешенька вызовет, потребует бумагу и чернила. Вы и принесете ему.

М и р с к и й (*держит подальше от себя чернильницу, подносит к очкам листок бумаги*). «А брусничного квасу приготовление. Берешь три фунта брусники на ведро...». Что за дичь?

Р о с а л ь с к а я . Главное, чтобы бумажка, а уж Алешенька сделает вид, что пишет. (*Гордо*). Это театр, ваше сиятельство.

Л е к а р ь (*притаскивает на себе Какия Какоевича*). Эй, там Осипа звали!

М и р с к и й . Здешняя фамильярность нравится мне всё меньше и меньше. (*Уходит*).

Ф и о л е т о в . Не слишком ли вы сократили, господин доктор?

Л е к а р ь (*укладывает Какия Какоевича рядом с Рабочим сцены*). Хотя бы помог кто-нибудь... Я не сокращал ничего, а вот мой напарник только мычал и порывивал. Уж не удар ли его хватил?

Ф и о л е т о в . Паразиты и приживалы народ выносливый. Только мычал, говорите... Значит, совсем пропала у нас замечательная реплика Бобчинского.

Л е к а р ь . И пованивает от Какой, а расслабление круговых мышц седалища именно и наблюдается при апоплексическом ударе. Полезно бы кровь пустить, да нет с собою инструментов...

К а т и ш ь . Господа, это не Какой обделался, а Петька. (*Издалека тычет пальцем в Глазова*). Я уж давно обхожу его стороной.

Л е к а р ь . Тогда возможен и другой диагноз... А что вы такое, Иван Семенович, начинали говорить о реплике Бобчинского?

К а т и ш ь . Я тоже заинтересовалась. (*Повисает на руке Фиолетова и, как была, в гриме Унтер-офицери, делает ему глазки*).

Ф и о л е т о в . Польщен вашим интересом, сударыня. У Гоголя Бобчинский, дав взятку Хлестакову, излагает ему свою просьбишку: (*тихо, умильно*) "Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным – сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский". На театрах принято сие выкрикивать, как идиотическую дичь, я же учил вашего городского шута произносить, как я сейчас. Ведь здесь не сам он, смешной толстенький провинциал, говорит, а его бессмертная человеческая душа! Ведь это она хочет заявить всему огромному миру, что осознала себя, что существует в этом мире, наконец!

К а т и ш ь . Как умно, господин Вельветов!

Справа, из костюмерной, спешит П у с т ы ш к и н в гриме и платье С л е с а р ш и , за ним, задорно подбоченившись, приближается Р о с а л ь с к а я .

Р о с а л ь с к а я . Вот только этого мне не хватало!

Л е к а р ь (*в сторону*). Смешной толстенький провинциал... И кто бы говорил?

Ф и о л е т о в (*смущен*). Вам пора на сцену, госпожа Хоменкова! Вот Пустя будет вами руководить.

Пустышкин пытается взять Катишь под руку, она свою руку вырывает. Становятся у самой левой кулисы.

Голос Рассветова. А, что ты, матушка?

Пустышкин *(теперь по-бабьи)*. Милости твоей, отец, прошу!

Катишь *(неожиданным басом)*. Повели, государь, выслушать.

Голос Рассветова. Пропустить её.

Пустышкин и Катишь исчезают.

Фиолетов. Пойти посмотреть. *(Уходит)*.

Рассветова *(решительно подходит к Росальской)*. Вы, маменька, меня с некоторых пор сторонитесь, а я позволяю себе по-прежнему называть вас маменькой, потому что решительно ни в чем перед вами не виновата. И не у кого мне, сироте, кроме как у вас, попросить помощи.

Слышны аплодисменты. Крики "Браво!".

Росальская. Шалопай Пустя спасает нас всех... Я было обиделась на тебя, Золя, да оказалась не права. Думала я раньше, что ты замуж вышла уже не девицею... *(Рассветова ахает)*. А оказалось, что ты и по сию пору девица. Первое я по-бабьи понимала, а второе – дурость, которую я тебе, такой умнице, не сразу смогла простить.

Рассветова *(делает гримаску)*. Маменька, да с этим не горит! А вот что замыслил этот противный Мирский... *(остальное излагает на ухо)*.

Тем временем со сцены доносится новый взрыв аплодисментов. Все способные двигаться, кроме Росальской и Рассветовой, забились за левую кулису. Потом отхлынули, сопровождая триумфаторов – Пустышкина и Катишь.

Голос Мирского. Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! Пошел, пошел, чего лезешь! *(Возникает у кулисы собственной персоной)*.

Рассветова. Вот он, мой злодей! Побегала я, маменька. Но каково мне теперь сыграется в расстроенных чувствах?

Росальская *(задумчиво)*. Беги, а я, дай Бог, чего и придумаю.

Мирский. Хоть отдохнуть мне теперь от лакейской службы. Этот щенок слишком уж достоверно вошел в роль барина. *(Садится в кресло)*.

Росальская *(подзывает к себе пальчиком Фиолетова)*. Иди со мной, дружок, есть секретный разговор. *(На ходу)*. Знаешь ли, эта уборная сегодня вроде беседки в "Севильском цирюльнике".

Фиолетов *(уже в уборной)*. Да я, розанчик, ей просто обязан был оказать внимание, этой миллионерше! Надует Мирский, одна надежда, что она поможет.

Росальская. Так я тебе и поверила! Знаю я твой норю! Но дело мое в другом: этот фат, твой Мирский, мало того, что приставал к Золе прямо вот тут, в уборной, он еще поставил условие, что отдаст деньги только ей, если приедет к нему в поместье на ужин. В четыре пополудни пришлет, подлец, карету. Знаешь, дружок, я решила поехать вместо неё.

Фиолетов. А разве Золя сама не сумеет его... того... тру-ля-ля! *(Крутит в воздухе рукой)*.

Росальская *(вздыхает)*. Уж больно неравные они противники. Золя ведь... *(шепчет на ухо)*. А Мирский думает, что имеет дело с разбитной актриской. Ты бы поговорил с Алешей, растолковал бы по-мужски, по-простому, что к чему. Кому, как не тебе, дружок, просветить мальчугана?

Фиолетов (*убежденно*). Это потому, что не учился в школе. Там бы его живо просветили. А как ты собираешься выдать себя за Золу? (*Окидывает жену скептическим взглядом*).

Росальская. Едва ли кучер и фореитор станут ко мне присматриваться. Надежду шляпку с густой вуалью, натяну Золино платье... Ну, не платье, так накину её шубку. Главное, до подлеца Мирского мне добраться, а уж там я у него наши деньги когтями выцарапаю.

Фиолетов. Беда, розанчик, что ты путаешь театр с настоящей жизнью. Боюсь, как бы тебе завтра лакеи не намяли бока. А сейчас твой выход. За тобою и мой. (*Росальская уходит к левой кулисе и почти тотчас же исчезает за нею*).

Мирский (*осматривается, находит глазами Лекаря*). Доктор, а мы ведь не договорили с вами.

Лекарь (*подходит*). Я весь внимание.

Выбегает, снова в расстроенных чувствах, **Рассветова**, остается у кулис рядом с **Фиолетовым**.

Мирский. Послушайте, ну неужели вы, человек образованный и гуманной профессии, не хотите помочь прогрессу в нашей несчастной стране? Селяне закрепощены, мещане пьянствуют...

Лекарь. Господин Мирский, не тратьте на меня свое красноречие! Да и голосовые связки поберегите: они у вас сегодня и без того натружены. Вы столь пламенно агитировали нашего робкого Держиморду, что все мы вас слышали. Я, во всяком случае, не упустил ни слова – вы уж простите великодушно.

Мирский. Какой пассаж... Я просто подумал... Уж если Сионский удрал с невинного спектакля, корреспонденцию в... (*шепотом*) Искандеру в Лондон... (*снова обычным голосом*) он уже точно не нацарапает, побоится. А вы, доктор, я слышал, пописываете...

Лекарь. Грешу понемножку... Вечерами, одному, чем заняться? Всегда охотнее писал юмористическое. Был у меня, к примеру, "Монолог клистирной кружки". (*Рассветова возвращается на сцену*).

Мирский (*рассеянно*). Не пробовали печатать?

Лекарь. Зачем? Ведь для себя пишу, скуку разогнать, Владимир Ксавериевич.

Фиолетов (*подбегает к Мирскому и к Лекарю*). Ваше сиятельство, я вот-вот пойду на сцену, а вы, будьте любезны, подтягивайтесь к кулисе. Ждите, пока я не скажу: «Ай, Антон! Ай, городничий! Она, как дело-то пошло!». А тогда выходите сами: "Лошади поданы".

Мирский. Простите, доктор, потом договорим. Слава Богу, хоть последний у меня выход.

Лекарь (*проводя Мирского к кулисе*). А нечего договаривать. Я напишу корреспонденцию о нашем спектакле. Только предварительно хотел бы у вас получить несколько номеров "Колокола". Чтобы сообразить стиль.

Мирский (*кивает*). Я мог бы прислать вам со Степкою, но лучше всего прочитайте их в моем кабинете.

Катишь (*останавливает Лекаря, с нею Пустышкин, снова в костюме Земляники*). Ты один еще не похвалил нас, Адриан Иванович.

Лекарь (*Пустышкину*). Вы, сударь, были выше всех похвал. (*Присматривается*). А ведь вы забыли лысый парик Земляники надеть. Ну, а вы, Екатерина Макаровна, произвели фурор одним своим появлением.

Пустышкин. Поскольку едва ли кто-нибудь еще меня сегодня похвалит, не грех добавить и самому. Пусть я Пустя, пусть я дешевый шут и кутила, но только не при свете рампы, а в скучные будни,

Пока не требует поэта...

Лекарь (*подхватывает*).

К священной жертве Аполлон...

Пустышкин. Вот-вот... Так что уже вскоре, на ужине, мы принесем сию священную жертву Аполлону, начав с обильных возлияний...

Катишь. А ежели серьезно, Адриан Иванович, то мне хлопал и на меня шикал партер, а Пусте безумно аплодировала галерка.

Лекарь. И сие ярко отразило социальное, а равно культурное расслоение нашего староводского общества.

Катишь. Что значит ученый человек! (*Повисает на руке Лекаря. Пустышкину*). А куда подевалась та толстая горничная, что помогала мне одеваться и краситься? Скорее бы стереть грим с лица.

Пустышкин (*гордо выпрямляется*). Во-первых, то не горничная была, а известная трагическая актриса Светлана Росальская. Во-вторых, в конце спектакля еще будет общий выход на аплодисменты. Мы все в гриме, держимся за руки...

Катишь. Да знаю я, противный! Только напрасно вы думаете, господа, что я подставляюсь под залп мочеными яблоками.

Почтмейстер. Осмелюсь заметить, что моченые яблоки у зрителей давно закончились.

Лекарь. Не все же из зрителей живут одними чувствами, как вы, господин Пустышкин, найдутся в зале и расчетливые типы.

Пустышкин. Была ли это похвала? О! Идут наши.

Степка уже успел тихонько расставить прямо у левой кулисы стулья и табуретки. У левой кулисы показываются Рассветов, Мирский, Фиолетов, Росальская, Рассветова. Садятся в таком же порядке. Степка, помедлив, и сам осторожно, самым краем зада, садится на крайний справа табурет. Из-за кулисы на брюхе выползает Суфлер, держа в зубах "Ревизора" с торчащей в нем закладкой.

Лекарь (*поглядывая на спящего Глазова*). Ничего, протереть spiritus-ом – и всем инфузориям аллес капут.

Суфлер с полу грозит ему кулаком, встает на ноги, раскрывает "Ревизора", подает его Рассветову и тычет в страницу пальцем.

Рассветов (*не глянув в книжку. Громко*). Прощайте, ангел души моей Марья Антоновна! (*передает книжку Фиолетову*).

Фиолетов. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете? (*Хочет передать "Ревизора", однако Рассветов молча отказывается: помнит, мол, наизусть*).

Рассветов. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор. (*Фиолетов, заглянув в пьесу, передает "Ревизора" Степке. Тот отшатывается, выпучив глаза*).

Суфлер (*выхватывает книжку у Фиолетова. Тихо*). «Голос ямщика. Тпр...»

Степка (*радостно и громко*). Тпру!

Фиолетов (*получив книжку от Суфлера*). Так, по крайней мере, чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврики?

Рассветов. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврики.

Фиолетов. Эй, Авдотья! ступай в кладовую, вынь ковер самый лучший, что по голубому полю, персидский. Скорей! (*Суфлер тычет пальцем в Степку*).

Степка. Тпру!

Ф и о л е т о в . Когда же прикажете ожидать вас?

Р а с с в е т о в . Завтра или послезавтра. (С у ф л е р тычет пальцем в М и р с к о - г о) .

М и р с к и й (получив книжку от Ф и о л е т о в а) . А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! (Кричит задорно). Чтобы до самого Староводска не сполз! (Из зала доносятся хохот, аплодисменты) Теперь давай-ка с этой стороны сена. (С у ф л е р щелкает пальцем по лбу задумавшегося С т е п к и) .

С т е п к а . Тпру!

М и р с к и й . Вот с этой стороны! сюда! еще! хорошо. Славно будет. (Вполголоса, с недоумением). «(Бьет рукою по коврау.)» (Подзывает С у ф л е р а , жестом просит повернуться и хлопает "Ревизором" по спине. Отдает ему книгу). Теперь садитесь, ваше благородие!

Р а с с в е т о в . Прощайте, Антон Антонович!

Ф и о л е т о в . Прощайте, ваше превосходительство!

Р о с а л ь с к а я и Р а с с в е т о в а . Прощайте, Иван Александрович!

Р а с с в е т о в . Прощайте, маменька!

С у ф л е р . «Ямщик. Эй, залетные!» (Тычет пальцем в С т е п к у) .

С т е п к а (вытаращившись). Тпру!

Р а с с в е т о в и Ф и о л е т о в . Эй, залетные!

С у ф л е р (тычет "Ревизора" в руки С т е п к е , подсказывает к колоколу и пытается изобразить на нем бреньканье бубенчиков тройки. Потом тянет за веревку, опуская занавес. Рушится на пол прямо под колоколом). Еле дожил до антракта. Господа хорошие, если уж нельзя опохмелиться водочкой, позвольте хотя кваску!

М и р с к и й . Как легко мне сейчас, как весело! Я чуть было снова не полюбил театр. До чего же здорово подавать реплики, когда нет перед тобою зрительного зала, этой стоустой гидры, неизвестно чего от тебя ждущей!

К а т и ш ь (аплодирует, хохоча). Bravo, Вольдемар!

М и р с к и й (Р о с а л ь с к о й) . Я еще не имел случая, сударыня, выразить вам свое восхищение. С какой замечательной живостью сыграли вы обе любовные сцены с Хлестаковым! (Р о с а л ь с к а я и Р а с с в е т о в переглядываются).

Ф и о л е т о в . А я вот о чем думаю, мечтаю собственно. А не сократить ли нам к черту весь пятый акт? Ведь если зритель не полный дурак, он и без всякого там вскрытого письма, раскаяний Городничего и "немой сцены" понимает, что Хлестакова с деньгами уже след простыл и что настоящий ревизор обязательно придет... Что это там?

А там

Еще одна развязка «Ревизора»

(структурная часть пьесы, непосредственно продолжающая "Акт второй")

В реальном зрительном зале гремит топот сапог. По проходу марширует Г о р о д н и - ч и й , за ним Г о л у б о й , позади рядовой Ж а н д а р м . Завидев их, П у с т ы ш к и н на цыпочках ретируется в костюмерную. Г о р о д н и ч и й и жандармы поднимаются из зала на сцену.

Г о р о д н и ч и й . Разумеется, пятый акт отменяется. Потому как всех актеришек я арестовываю. Откуда же в таком случае произойдет пятый акт?

Г о л у б о й . Иванов 4-й, действуй. И без этих твоих "Слушаюсь..."

Ж а н д а р м подходит к С т е п к е и начинает вырывать у него из рук книгу.

С т е п к а . Эй, не балуй, служивый! (Оглядывается на М и р с к о г о) .

М и р с к и й (лениво). Отдай ему. Хозяин-то не возражает.

Жандарм (забирает книгу у Степки, кладет её на пол. Вытаскивает из-за отворота шинели рукописную афишу, разворачивает её, в мокрых пятнах, с оторванным углом, сует Степке). Подержи, холуй. *(Поднимает с полу "Ревизора", заворачивает в афишу, перевязывает со всех сторон извлеченной из кармана шинели веревочкой и прячет за отворот шинели).*

За спинами актеров проскальзывает, согнувшись и на цыпочках, Пустышкин в платье Слесарши. Исчезает за левой кулисой.

Фиолетов (отрывает глаза от манипуляций Жандарма, встряхивается, встает). Позвольте спросить, господин городничий, за что нас арестовываете? Вы ведь сами изволили разрешить наше представление три дня назад, у меня и бумага с вашей подписью имеется.

Городничий (становится навтыжку). Обстоятельства переменились на крайне прискорбные. *(Склоняет голову).* Государь Николай Павлович, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая помре в Бозе 18 февраля сего года. *(Все на сцене встают и крестятся).*

Рассветова. Господи Боже...

Рассветов. И что же теперь станется с Россией?

Степка рыдает в голос. Жандарм достает из рукава огромный клетчатый платок и вытирает ему слёзы.

Голубой. В тот же скорбный день в империи, само собою, в общем... был объявлен государственный траур. Все вы обвиняетесь в нарушении траура, следственно, в оскорблении чести величества. Будете закованы в кандалы и в ожидании суда как государственные преступники заключены в крепость. Караульная партия для доставки вас в Харьков по этапу уже собирается. Наличные в цейхгаузе кандалы приготовлены. Кузнецы ждут под театром. *(Жандарму).* Иванов 4-й, вели кузнецам раздувать огонь.

Жандарм. Слушаю, ваше высокоблагородие. *(Спускается со сцены и уходит через зал).*

Катишь. Какие глупости! Мы же понятия не имели, что помре!

Голубой. Незнание не освобождает от ответственности. Осмелюсь заметить, мадам, что вы удобно одеты для пешего следования по этапу, равно как и вы, господин Мирский.

Городничий. А ты, Хоменкова, вообще бы лучше помалкивала. На тебе висит еще избивание квартального, находившегося при исполнении.

Катишь (вполголоса Лекарю). Похоже, мало ему сотенной.

Лекарь (так же). Рад, что вы, Екатерина Макаровна, не падаете духом.

Катишь (так же). Если медицина рядом, Адриан Иванович, я ничего и не боюсь.

Фиолетов. А когда, позвольте полюбопытствовать, в Староводске узнали о смерти государя императора?

Городничий. Эстафета из Харькова пришла в шестом часу пополудни. В шесть ровно я собрал на совещание всех чиновников города. У вас было время отменить спектакль.

Фиолетов. Сколько же вам повторять, что нам не было сообщено о введении траура! А... Понятно теперь, зачем вы не пускали никого в театр...

Г о р о д н и ч и й забирает стул, на котором сидел Р а с с в е т о в , и садится на авансцене. М и р с к и й опять разваливается на своем кресле, К а т и ш ь присела на свой стул. Все остальные остаются стоять.

Г о р о д н и ч и й . Как это вам не было сообщено, ежели среди вас находится чиновник, присутствовавший на означенном совещании? Вот он, Колька Меньшов, наш староводский почтмейстер, который в присвоенном его должности мундире незнамо что делает на сцене.

Г о л у б о й (*прохаживается по авансцене*). Позорит мундир своего ведомства, вот что он делает!

П о ч т м е й с т е р . Однако же я не был на совещании, Созонт Ираклиевич! Я специально не пошел, потому что вы раньше изволили приказать, чтобы ни одной даже самой пьяной и подлой чиновничьей морды не оказалось в зале, а мне было страсть как любопытно...

Ф и о л е т о в . Вот видите, господин городничий!

Г о р о д н и ч и й . Чушь! Колька сейчас же покажет, что на совещании был и что вам сообщил о прискорбном событии и о трауре, однако вы его не послушали и злокозненно начали представление. А если он не даст такого показания, то уже я при производстве следствия изобличу, что он взятки с ямщиков брал и что ухитрился украсть сто рублей ассигнациями из денежной бандероли, пришедшей на помершего мещанина. Пусть и я виноват, что не донес про Колькины преступления, однако ни одного из них не пропущу!

П о ч т м е й с т е р (*потупившись*). Да я просто подзабыл. Всё так и было, как говорит господин городничий.

Г о р о д н и ч и й . Что, съели?

Ж а н д а р м (*из-за кулисы проталкивает на середину сцены П у с т ы ш к и н а в костюме Слесарши. Руки у того связаны кушаком за спиной, во рту кляп*). Осмелюсь доложить, ваше высокоблагородие! Пытался бежать, переодетый бабой, пойман преданным престолу простонародьем.

Г о л у б о й . Вынь у него кляп и поставь рядом с прочими. А сам выйди на сцену и объяви, что театр закрывается за нарушение пожарных правил.

К а к и й К а к о е в и ч (*лежа, не открывая глаз*). Как столбовой дворянин, требую нелицеприятного монаршего суда!

М и р с к и й (*сидит, развалившись в кресле, рассматривает свои ногти*). При всем моем уважении – или неуважении – к вам, господин городничий, я никогда не поверю, что вы, с вашим умишком мелкого взяточника и казнокрада, сами придумали эту интригу. Удивительно мне также, что вы, майор, оказались в наших палестинах столь вовремя. Разве что сами и привезли в Староводск прискорбную весть. Однако едва ли могли отправить майора, да еще жандармского, курьером к коллежскому асессору...

Г о р о д н и ч и й . Требую выражаться благопристойно. К чему такие скверные слова – "взяточник", "казнокрад"?

Г о л у б о й . Вы правы, господин Мирский. Я приехал сюда из Харькова по другому поводу. Неслыханное дело в империи Российской! Кружок так называемых прогрессистов, в основном уездных дворян, по главе со ссыльным заводит интригу против правительственного чиновника, осуществляющего в уезде полицейскую власть. Третья его величества канцелярия обязана была заинтересоваться, согласитесь.

М и р с к и й . Получив соответствующий донос, разумеется. Однако сегодняшняя provocation не может быть ничем иным, кроме как вашей личной импровизацией. Чем это я вам не угодил, майор?

Г о л у б о й (*останавливается*). А вы разве не узнали меня?

М и р с к и й (*снимает и протирает платком очки, снова надевает, всматривается в Г о л у б о г о*). Извините, не узнал.

Г о л у б о й (*саркастически*). Конечно, к чему придворному хлыщу запоминать офицера, которого он публично оскорбил, опозорил, которому испортил карьеру?

М и р с к и й . А... Так это вам, господин майор, я привязал на шею живого порося и провез в таком виде на извозчике по всему Невскому? (*К а т и ш ь хихикает*).

Г о л у б о й . Ах, вам смешно, мадам мешаночка! Вот и начальство смеялось мне в лицо, когда я просил разрешения вызвать эту лощеную скотину на дуэль. Я еле удержался в Корпусе и вынужден был снова начинать карьеру здесь, в хохлацкой Тмуротокани.

Г о р о д н и ч и й . Я же просил, господа, не собачиться...

М и р с к и й . Вы, майор, и сами виноваты! Вольно же вам было так скотски напиваться в кондитерской, в публичном месте, вот я и не преодолел соблазна. Да и против вас я ничего личного не имел, мне просто вдруг резко не понравилось (тоже, должно быть, спьяну) ваше место службы.

Г о л у б о й . Мне отомщение, и аз воздам.

М и р с к и й . Да бросьте! Напомню, что я входил в кружок ближайших придворных цесаревича наследника Александра Николаевича (теперь уже, стало быть, нашего государя) и в ближайшее время буду возвращен ко двору. И если сам новый государь в военных хлопотах обо мне забудет, то ему не преминет напомнить мой покровитель и единомышленник генерал-адъютант Яков Иванович Ростовцев.

Г о р о д н и ч и й . А пока суд да дело, вы в кандалах будете вшей кормить, равно как и ваша кучка бездельников. Кстати, господин майор, не отпустить ли нам в видах человеколюбия этих двух бабенок? Кандалы еще на них переводить... Протолкать за городскую заставу, да и Бог с ними.

Р о с а л ь с к а я . Алешенька, не бойся, сыночек! Пойду за тобой и за Иваном Семеновичем хоть и в Сибирь!

Ж а н д а р м . Разрешите исполнять? (*Г о л у б о й машет на него рукой*).

М и р с к и й (*поднимает глаза от своих ногтей на Г о р о д н и ч е г о , переводит их на Г о л у б о г о*). Ладно, я посижу малое время, да и выйду, а потом и ты, городничий, попадешь под суд за самоуправство и старые твои грешки, и ты, майор, даже и без всякой явной твоей вины поедешь в Тобольск улучшать тайный надзор над каторжниками. Попугали – и довольно. Излагайте теперь ваши просьбы, господа.

Пауза. Рассветов, Фиолетов, Рассветова, Росальская, Пустышкин, Почтмейстер, Суфлер глядят на Мирского во все глаза, а Рабочий сцены, по-прежнему лежащий под задником, одним глазом. Степка ухмыляется, Лекарь усмехается, Катись осторожно хихикает.

Г о р о д н и ч и й (*подходит к Фиолетову, выталкивает его на авансцену, пока оба не оказываются лицом к лицу, а к зрителям в профиль*). Здравия желаю, ваше благородие! За что ордена удостоились?

Ф и о л е т о в . Да ведь это бутафория, господин городничий.

Г о р о д н и ч и й . Эх ты, бутафория... А я своего Георгия 4-ой степени (*берет рукою крест, висящий у него на шее*) получил, прежде потеряв под Эриванью пару пальцев. Ядром оторвало. (*Показывает на правой руке торчащий средний палец, остальные поджав*). «Казнокрад», «взяточник»... Да знаете ли вы вообще, штафирки, что такое городничие, из чего образовались? Я расскажу. Городничие назначаются из увечных и раненых офицеров, чтобы дать им возможность подлечиться, подкормиться, обрасти жирком, пожитками. А разве возможно всё это произвести на жалкое казенное жалованье? И разве не подсказывает мне этим нищенским жалованием сама власть, чтобы я питался от своей малой должности, как священник питается от жертвенника? То-то же. Однако я и сам признаю, что слишком увлекся, переусердствовал. Так что готов поделиться.

М и р с к и й . Излагайте, что желаете за собою оставить... (*Пауза*). Созонт Ираклиевич.

Г о р о д н и ч и й (*грозит пальцем, хихикает*). А я догадался, что вы не прочь пойти на мировую, ваше сиятельство, когда вы убрали из представления возмутительную сцену с купцами. (*Фиолетов и Мирский переглядываются*). Вот купцов-то наших вы мне и оставьте: я с ними сжился, как с родными, а они во мне души не чают. (*Загибает палец*). Это раз. А взятое с ярмарки напополам: мои ребята сами соберут да вам в кабинет и предоставят. Это два. (*Загибает второй палец*). И зачем вам лично избираться в предводители дворянства? Лучше бы денежные дела свои поправили...

М и р с к и й . Я буду баллотироваться в предводители дворянства, чтобы не обмануть ожидания своих сторонников. Здесь нет предмета для торга.

Г о р о д н и ч и й . Ладно. (*Показывает на спящего Глазова*). Это наш будущий председатель судебной палаты? Я угадал? (*Мирский кивает*). Сейчас у нас судья – картежник и пьяница, будет – книжник и пьяница. Какая разница? Касательно же рекрутского присутствия...

М и р с к и й . Главное мне понятно, Созонт Ираклиевич, об остальном лучше между четырех глаз. А вы, господин майор, чего вы от меня требуете?

Г о л у б о й . Мы квиты, Владимир Ксавериевич. Я не требую, а покорнейше прошу, когда сами переберетесь в Питер, вытащить и меня в наше Главное управление. Век за вас буду бога молить, и моя старушка-мамаша за ваше здоровье свечку поставит. (*Актерам*). А вы что стоите, будто инвалидная команда? Все свободны, дамы и господа.

Г о р о д н и ч и й (*потирает руки*). Осталось, как в народе говорят, спрыснуть мировую. (*Вскакивает со стула, вытягивается, склоняет голову*). Сперва же, само собою, помянув в Бозе почившего государя императора. Я, господа, признаться, уже послал за ящиком самолучшей мадеры к шельме Кузякину.

Ф и о л е т о в (*нерешительно*). Однако ведь накрыты столы на втором этаже в трактире Филиппева... Не кажется ли вам, господин Мирский...?

М и р с к и й (*легко*). Да, конечно же, кажется... Соболаговолите, Созонт Ираклиевич, и вы, майор, откушать с нами. Дамы и господа, приглашаю всех!

С т е п к а . Тогда я побежал. Распоряжусь, чтобы ставили на печь жаркое.

Р а с с в е т о в . Ведь это же невесть что на белом свете делается, маменька! (*Бросается к ней в объятия*). Такого ведь и на театре не увидишь!

Занавес

2009, 2013 г.